

ШКОЛЬНИКИ СПРАШИВАЮТ – ВЕТЕРАНЫ ОТВЕЧАЮТ

Обложка книги

В.С. Суворов

В Цифровом доме молодёжи в Хамовниках состоялась презентация книги «Мир после войны», выпущенной Советом ветеранов войны и труда м/р 14 муниципального образования «Хамовники» ЦАО г. Москвы. Эта ветеранская организация издаёт уже третью книгу. Первые – «Бойцы вспоминают минувшие дни...» и «Они защищали Родину» вышли в 2004 и 2005 гг.

Последнее издание представляет собой сборник воспоминаний ветеранов о жизни после Великой Отечественной войны, труде, направленном на восстановление народного хозяйства страны и укрепление её обороноспособности. Воспоминания представлены в форме ответов на вопросы учеников общеобразовательной школы № 35, над которой шефствует организация.

Презентацию открыли заместитель председателя Совета ветеранов В.Я. Анфингер и составитель сборника член Совета ветеранов, заслуженный работник культуры России В.С. Суворов. Выступали: председатель Общественного объединения воинов-интернационалистов; руководитель организации «Ветеран-Центр» С.Н. Опалёв; ветеран завода «Электролуч» Л.С. Капитанова, военной биографии которой посвящена одна из бесед, вошедших в книгу; авторы сборника. С речью и своими песнями выступил бард И. Симановский.

О.Р. ДМИТРИЕВА

* «Мир после войны. Ветераны войны и труда м/р 14 района «Хамовники» ЦАО г. Москвы отвечают на вопросы учащихся московской общеобразовательной школы № 35. М., 2007. 126 с.

И. Симановский

В.Я. Анфингер
и В.С. Суворов

Члены Совета
ветеранов и гости
презентации

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты, Журналы, Книжки, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 70137.

Индекс журнала для российских подписчиков по каталогу российской прессы «Почта России» — 12754.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д, редакция «Военно-исторического журнала». Тел. редакции для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-06-97 E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал». Интернет - приложение - за 2004-2007 гг. — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Ежемесячно издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ
№ 6
2008

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Территориально-милиционная система комплектования войск глазами ОGPU

Немецко-фашистская оккупация и партизанское движение в Центральном Черноземье

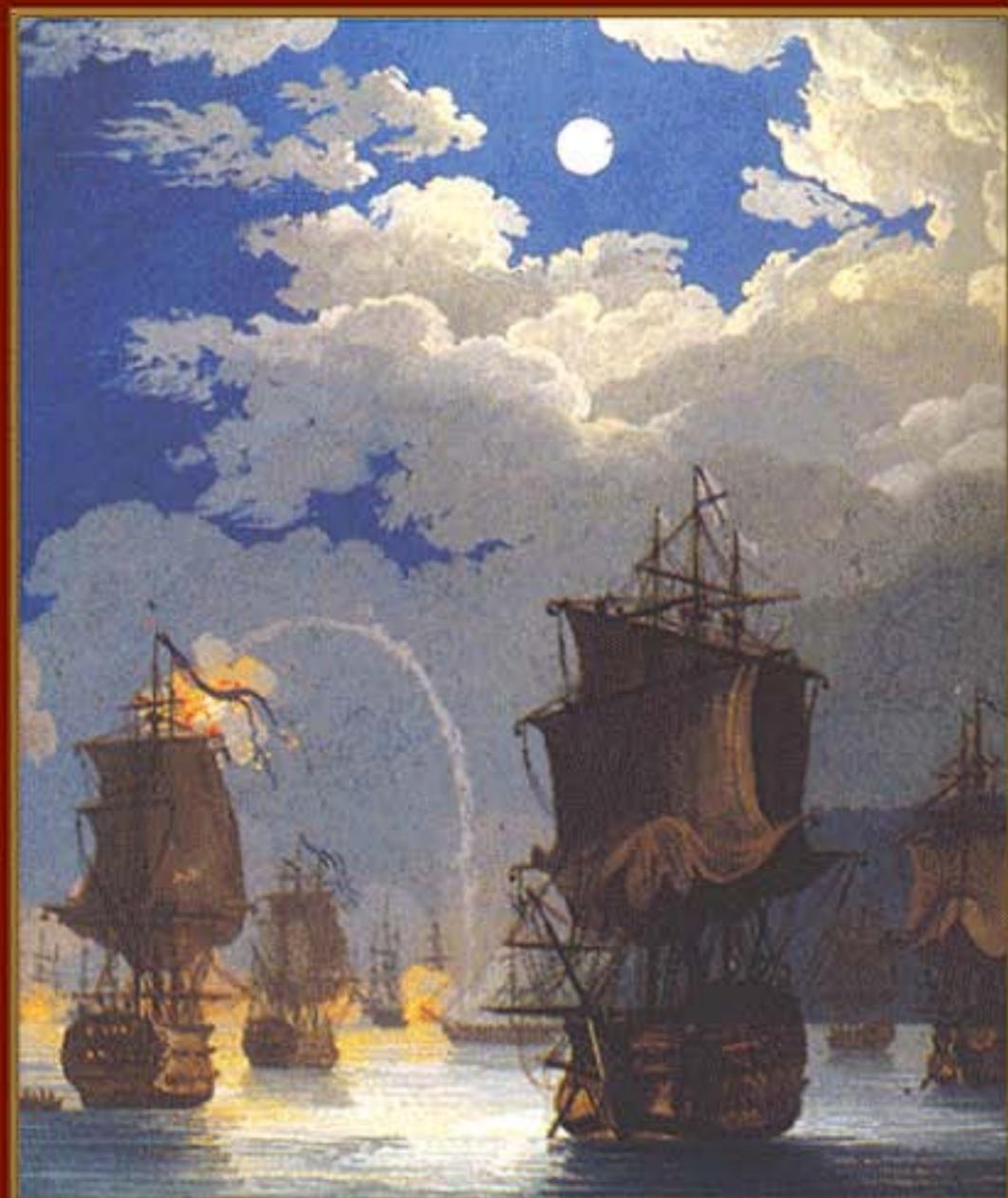
Приписанные заслуги генералов Н.Н. Юденича и М.А. Пржевальского

Создание Черноморской береговой линии в XIX веке

Красная армия в борьбе с топливным кризисом в Среднем Поволжье. 1919—1921 гг.

Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях?

ISSN-0321-0628

Ночное сражение при Чесме 26 июня 1770 года
Фрагмент эскиза к картине Я. - Ф. ХАККЕРТА

Военно-исторический журнал 2008 № 6 июнь

**22 июня — День памяти и скорби.
День начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
против немецко-фашистских захватчиков**

ЭТАПЫ

БОЛЬШОГО ПУТИ

К 80-летию 33 ЦНИИ МО РФ

Начальник института кандидат технических наук, доцент полковник С.В. Кухоткин

Знамя института

18 июля 2008 года 33-му Центральному научно-исследовательскому испытательному институту Министерства обороны РФ исполняется 80 лет. Сегодня 33 ЦНИИ – ведущее научно-исследовательское учреждение в области обоснования требований к перспективным образцам вооружения и средств радиационной, химической и биологической защиты. Ещё в довоенные годы институт провёл

огромную работу по созданию системы защиты от химического нападения, благодаря чему к началу Великой Отечественной войны СССР располагал современными для того времени научно-исследовательскими и испытательными организациями с развитой лабораторной и полевой базой, что позволило осуществить крупномасштабную подготовку Красной армии к ведению боевых действий в условиях применения противником химического оружия. Научные разработки в стенах института способствовали созданию промышленного производства надёжных средств противохимической защиты. Объединившись в 1961 году с полигоном в Шиханах, институт стал организацией, вносящей значительный вклад в дело укрепления обороноспособности страны.

Сегодня научный потенциал института составляет более 100 докторов и кандидатов наук. За выдающиеся достижения в науке и технике более двадцати учёных института были удостоены Государственных премий. Академики И.Л. Кунянци и А.Д. Кунцевич в своё время возглавляли известные военно-химические научные школы.

Примером истинного патриотизма, беззаветного выполнения служебного долга, проявления высокой профессиональной подготовки стало участие более 230 сотрудников института в ликвидации последствий радиационной катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В институте создана и постоянно совершенствуется уникальная научно-исследовательская база, имеется обширный испытательный полигон с необходимой инфраструктурой.

Выросший вблизи института благоустроенный военный городок обеспечивает социально-бытовые условия для полноценной жизни и отдыха сотрудников учреждения и членов их семей. В городке работает средняя общеобразовательная школа, три дошкольных учреждения, школа искусств, спортивный комплекс с бассейном. А в тенистом парке, который окружает музей-усадьбу генерал-лейтенанта графа В.В. Орлова-Денисова, героя Отечественной войны 1812 года, командовавшего в 1813–1814 гг. личным конвоем Александра I, хорошо отдыхают и дети, и взрослые.

Подробнее об истории образования и становления 33 ЦНИИ МО РФ читайте в номере статью полковника С.В. Кухоткина.

О.Р. ДМИТРИЕВА

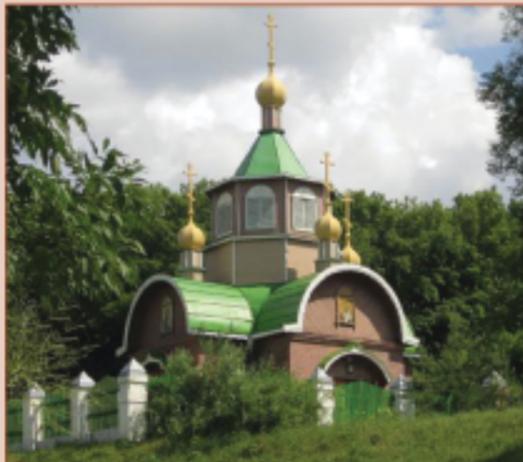

Визит министра обороны Российской Федерации А.Э. Сердюкова в 33 ЦНИИ

Стела у главного корпуса института

Храм святителя Николая Чудотворца архиепископа Мир Ликийских

Ветераны института

Дегазационная повозка

Тяжёлый пехотный огнестрел (ТПО-50)

Читайте в номере

Экспериментальная установка с лазером

Испытание новой техники

Обработка техники

Запуск тяжёлой огнестрелной системы

Постановка аэрозольной маскирующей завесы

СРАЖЕНИЕ, МАНЁВРЕННОЙ ТАКТИКЕ

Чесменское сражение между русской и турецкой эскадрами 24–26 июня 1770 года

Г.А. Спиридов
Неизвестный художник, XVIII в.

Портрет графов А.Г. и Г.Г. Орловых
Художник Ж.-Л. ДЕ ВЕЛЛИ

Адмирал С.К. Грейг
Копия с портрета художника Д. ЛЕВИЦКОГО

Начало сражения при Чесме в Хиосском проливе 24 июня 1770 г. Битва и взрывы кораблей Д.-Ф. ХАККЕРТА

Схема боя в Хиосском проливе 24 июня 1770 г.

Бой в Хиосском проливе

Отступление турецкого флота в бухту Чесмы Битва и взрывы кораблей Д.-Ф. ХАККЕРТА

Гибель русского корабля «Св. Евстафий»
Фрагмент эскиза к картине художника Я.-Ф. ХАККЕРТА

ПОЛОЖИВШЕЕ НАЧАЛО РУССКОГО ФЛОТА

Схема боя в Чесменской бухте 26 июня 1770 г.

Сожжение турецкого флота в Чесменской бухте

Гибель турецкого флота в гавани Чесмы
Эскиз к картине художника Я.-Ф. ХАККЕРТА

Возвращение русского флота после ночного сражения под Чесмой
Эскиз к картине художника Я.-Ф. ХАККЕРТА

Чесменское сражение между русской и турецкой эскадрами произошло 24–26 июня (5–7 июля по новому стилю) 1770 года в бухте Чесма (Чешме) в Хиосском проливе Эгейского моря во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и состояло из двух боёв. 24 июня (5 июля) после активного поиска противника русская эскадра под общим руководством генерал-аншефа А.Г. Орлова и командованием адмирала Г.А. Спиридова встретила в Хиосском проливе турецкую эскадру адмирала Д. Хасан-бея, которая стояла на якорях недалеко от берега, образуя двойную дугообразную линию. На военном совете командиров кораблей был принят предложенный Г.А. Спиридовым план атаки турецкого флота.

Авангард русского флота в кильватерной колонне пошёл на противника почти перпендикулярно его боевой линии, атаковал с короткой дистанции авангард и часть центра турок. После двухчасового боя флагманский корабль турок «Реал-Мустафа» загорелся и взорвался, погиб и вступивший с ним в абордажную схватку русский корабль «Святой Евстафий». Турецкая эскадра, потеряв управление, в беспорядке покинула Хиосский пролив и ушла в Чесменскую бухту под прикрытием береговых батарей, где была блокирована русским флотом.

В ночь на 26 июня (7 июля) А.Г. Орлов принял решение атаковать и уничтожить турецкий флот. По плану Г.А. Спиридова был предпринят комбинированный удар брандерами и мощным артиллерийским обстрелом с близких расстояний. Первым удар нанёс авангардный отряд из 7 кораблей под командованием контр-адмирала С.К. Грейга. Его корабли под огнём противника вошли в Чесменскую бухту и, встав на якоря вблизи турецкой эскадры, зажигательными снарядами подожгли несколько кораблей противника. Затем в атаку пошли 4 брандера. Один из них под командованием лейтенанта Д.С. Ильина поджёг турецкий линейный корабль. К 3 часам ночи пожар охватил почти весь вражеский флот, а к 10 часам утра сгорели 14 линейных кораблей, 6 фрегатов и более 40 мелких судов. Линейный корабль и 5 галер были брошены экипажами и захвачены русскими моряками, которые в ночном бою не потеряли ни одного корабля.

Победа в Чесменском сражении имела важное стратегическое значение: потеряв флот, Турция отказалась от наступательных действий против русских в греческом Архипелаге и на Чёрном море, сосредоточив усилия на обороне пролива Дарданеллы и приморских крепостей. Русский флот достиг безраздельного господства в греческом Архипелаге. Чесменское сражение внесло вклад и в развитие русского военно-морского искусства, положив начало манёвренной наступательной тактике русского флота.

Публикацию подготовила
А.Н. ЧАБАНОВА

Илл. из кн.: Гребенникова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Наука, 2007. 720 с., ил.

МОРСКАЯ ПЕХОТА

Обложка книги

27 ноября 2005 года исполнилось 300 лет морской пехоте России. Этот род войск, основанный Петром Великим, за три века участвовал во всех войнах, которые вела Российская империя и СССР. Морские пехотинцы воевали с турками и шведами, французами и поляками, англичанами и немцами, китайцами и японцами. Они поднимали свои флаги и знамёна над Берлином и Веной, над Парижем и Римом, над Будапештом и Варшавой, над Пекином и Бейрутом. Боевой путь морской пехоты простирается от фьордов Норвегии до африканских джунглей.

В соответствии с Планом основных мероприятий подготовки и проведения трёхсотлетия морской пехоты, на основе архивных документов и редких печатных источников коллектив авторов составил историческое описание развития и боевой службы морской пехоты. В первом томе издания* хронологически прослеживаются события от её зарождения при Петре I и Азовского похода до эпохи Николая I и героической обороны Севастополя включительно. Отдельная глава посвящена частям-преемникам морских полков, история которых доведена до Первой мировой и Гражданской войн.

Большинство опубликованных в книге данных вводятся в научный оборот впервые. Труд содержит более 400 иллюстраций – картины и рисунки лучших художников-баталистов, цветные репродукции, выполненные методом компьютерной графики, картографические планы сражений, схемы, таблицы, старинные фотографии, изображения предметов из музейных и частных коллекций, многие из которых также публикуются впервые. Он снабжён научно-справочным аппаратом, в том числе именным указателем более чем на 1500 фамилий.

Адресована книга широкому кругу читателей, интересующихся историей, боевыми традициями русской армии и флота, а также всем, кто неравнодушен к ратному прошлому Отечества.

Публикацию подготовила
Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА

* Киблицкий А.В., Левин О.Г. 300 лет российской морской пехоты. М., 2008. Том I (1705–1855). 348 с.

Белое полковое знамя образца 1730–1733 гг. 1-го и 2-го морских полков
Компьютерная графика
В.И. ИЗЬЮРОВА

Цветное ротное знамя образца 1733 г. для рот 1-го и 2-го морских полков
Компьютерная графика
В.А. ПЕРЕДЕРИЯ,
реконструкция О.Г. ЛЕОНОВА

Обер-офицер 1-го флотского грендерского батальона, 1792–1793 гг.

Ротный барабанищик грендерского батальона генерал-майора Говорова 4-го морского полка в зимней форме, 1803–1807 гг.
Художник
А.Ю. АВЕРЬЯНОВ,
2002 г.

Юбилейная памятная лента, пожалованная Александром II Гвардейскому экипажу 16 февраля 1860 г.

Нагрудные знаки офицеров морской пехоты образца 1731–1734 гг.
Художник Р. ПАЛАСИОС-ФЕРНАНДЕС, 2005 г.

Знак для штаб-офицеров (полковников, подполковников, премьер- и секунд-майоров)

Знак для капитанов

Знак для поручиков и прапорщиков

РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ ЭПОХ

Гренадер 1-го флотского грендерского батальона, 1792–1793 гг.
Раскрашенная гравюра
Х.-Г. ГЕЙСЛЕРА из альбома
Я. фон ЛЮДЕ

Гренадер Днепровского приморского грендерского полка, 1792 г.
Художник
А.В. КАРАЦДЖ,
1996 г.

Гренадеры 2-го морского полка, 1803–1807 гг.

Мушкетёр морских батальонов, 1776–1796 гг.
Раскрашенная гравюра
Х.-Г. ГЕЙСЛЕРА из альбома
Я. фон ЛЮДЕ

Фузилёр морского полка, 1706–1708 гг.
Компьютерная графика
В.А. ПЕРЕДЕРИЯ по рисунку
художника Н.В. ЗУБКОВА,
1995 г.

Боцман и матросы Гвардейского экипажа у памятника светлейшему князю М.И. Голенищеву-Кутузову на Бородинском поле
Август 1812 г.

Обер-офицер 1-го флотского батальона Балтийского флота в парадной форме, 1802–1803 гг.

Мушкетёр батальона полковника Гамена 3-го морского полка в походном снаряжении во время Ганноверской экспедиции 1805 г.
Художник А.Ю. АВЕРЬЯНОВ, 2002 г.

Гренадер 3-й грендерской роты 3-го морского полка
Художник
С.А. ЛЕТИН

Бляха на патронную суму грендер и мушкетёров морских батальонов
Художник Р. ПАЛАСИОС-ФЕРНАНДЕС, 2005 г.

Латунная кружка, сделанная из бляхи грендерской ладунки морских полков

Гвардейский экипаж в сражении при Бауцене 9 мая 1813 г.
Художник О.К. ПАРХАЕВ, 1989 г.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ	HISTORY OF MILITARY SCIENCE	
О.Р. ДМИТРИЕВА — Этапы большого пути. К 80-летию 33 ЦНИИИ МО РФ <i>O.R. DMITRIEVA</i> — Stages of the big way. To the 80 anniversary of the 33 CRTI MD RF		1
ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА	MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND	
Сражение, положившее начало маневренной тактике русского флота. Чесменское сражение между русской и турецкой эскадрами 24—26 июня 1770 года (Публикация А.Н. ЧАБАНОВОЙ) <i>The battle which has begun manouverable tactics of Russian Navy. The Chesmen battle between Russian and Turkish squadrons in 24—26 JUNE of 1770</i> (Publication of A.N. CHABANOVA)		2
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	IN THE PAGES OF RARE EDITIONS	
Морская пехота России в зеркале эпох (Публикация Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВОЙ) <i>Marine corps of Russia in a mirror of epoch</i> (Publication of N.M. VERETENNIKOVA)		4
ВОЕННАЯ РЕФОРМА	MILITARY REFORM	
А.А. ЗДАНОВИЧ — Территориально-милиционная система комплектования войск глазами ОГПУ <i>A.A. ZDANOVICH</i> — Territorially-militiional system of acquisition of armies by the eyes of USPA		9
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
С.А. НИКИФОРОВ — «Убивай... этим самым прославишься навек». Немецко-фашистская оккупация на территории Центрального Черноземья <i>S.A. NIKIFOROV</i> — "Kill... you will become famous for it forever". Fascist occupation on territory of the Central Chernozem region		12
В.В. КОРОВИН — «Деорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике». Партизанское движение в Центральном Черноземье <i>V.V. KOROVIN</i> — "To disorganize rear of the opponent, to cause the maximal loss to its alive force and technics". Guerilla movement in the Central Chernozem region		17
О.В. РОМАНЬКО — Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии <i>O.V. ROMAN'KO</i> — German occupational grouping and power structures on territory of Belarus		23
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	COMMANDERS AND CHIEFS	
Д.Г. МАРТИРОСЯН — Генерал Г.Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом...». Приписанные заслуги генералов Н.Н. Юденича и М.А. Пржевальского <i>D.G. MARTIROSYAN</i> — General G.A. Berkhman "operated all course of that business wich has ended with a great success". The attributed merits of generals N.N. Yudenich and M.A. Prijevalsky		27
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ	HISTORY OF MILITARY SCIENCE	
С.В. КУХОТКИН — Этапы большого пути. К 80-летию 33 Центрального научно-исследовательского испытательного института Министерства обороны Российской Федерации <i>S.V. KHOTKIN</i> — Stages of the big way. To the 80 anniversary of the 33 Central research test institute of the Ministry of Defence of the Russian Federation		31
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY	
И.А. КОНОРЕВА, И.Н. СЕЛИВАНОВ — СССР и война во Вьетнаме. 1965—1975 гг. <i>I.A. KONOREVA, I.N. SELIVANOV</i> — The USSR and war in Vietnam. 1965—1975		37
И.И. БЕЛОУСОВ — «Дабы... к службе охотным людям подать лутчей кураж и охоту». Проблемы военной кадровой политики России в XVIII веке в документах Российского государственного военно-исторического архива <i>I.I. BELOUSOV</i> — "That... to give a spirit to service to the interested people". Promblems of military personnel pollics of Russia in XVIII century in documents of the Russian state military-historical archive		42
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ	FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT	
В.Г. КИКНАДЗЕ — Техническое оснащение отечественной морской радиоэлектронной разведки в 1930—1945 гг. <i>V.G. KIKNADZE</i> — Hardware of domestic naval radio-electronic reconnaissance in 1930—1945		45

И.З. Бергомат

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	OF THE RUSSIAN EMPERI'S FRONTIERS	
Е.В. БЕЛОВА — Балканские военные поселения служили укреплению южной границы России. Середина XVIII века <i>E.V. BELOVA</i> — The Balkan military settlements served strengthening of the southern border of Russia. The middle of the XVIII century		50
Е.В. ЛАПЕНКО — Создание Черноморской береговой линии в XIX веке <i>E.V. LAPENKO</i> — Creation of the Black Sea coastal line in XIX century		54
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	ARMY AND SOCIETY	
Э.А. НОСКОВА — Керченские военные храмы. Вторая половина XIX — начало XX века <i>E.A. NOSKOVA</i> — The Kerch military temples. The second half of XIX century — the beginning of XX century		59
Е.В. ВОЕЙКОВ — Красная армия в борьбе с топливным кризисом в Среднем Поволжье. 1919—1921 гг. <i>E.V. VOEYKOV</i> — The Red army in a struggle against fuel crisis on the average the Volga region. 1919—1921		63
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	STANDPOINTS. OPINIONS. VERSIONS	
Е.Л. СОСНИНА — Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? <i>E.L. SOSNINA</i> — Whether M. Yu. Lermontov could participate in intelligence operations?		67
МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ		
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	IN THE PAGES OF RARE EDITIONS	
А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I (Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО) <i>A.G. BRIKNER</i> — Death of Pavel I (Publication of A.V. OSTROVSKY)		73
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
А.В. БЕЛЯЕВ — Кадетские корпуса в годы Первой мировой войны <i>A.V. BELYAEV</i> — Cadet cases within the World War I		77
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ	FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS	
А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке (Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО) <i>A.N. GURKOVSKY</i> — Finger on the cock (Publication of V.A. GURKOVSKY)		81
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY	
А.В. ОСТРОВСКИЙ — Они служили России <i>A.V. OSTROVSKY</i> — They served Russia		86
С.Н. ПОЛТОРАК — Неизвестное об известном ополчении <i>S.N. POLTORAK</i> — Unknown about a known home guard		87
36, 44, 66	КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА <i>THE BOOKSELF OF A MILITARY HISTORIAN</i>	
41, 62	ЗАБЫТОЕ ИМЯ <i>FORGOTTEN NAME</i>	
53	НАШИ ЛАУРЕАТЫ <i>OUR LAUREATS</i>	
72	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ <i>THE MEMORABLE DATES</i>	
88	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ <i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	IN THE PAGES OF RARE EDITIONS	
3-я стр. обл.	Возрождение Балтийского флота <i>Revival of the Baltic Fleet</i>	
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ	MILITARY PATRIOTIC EDUCATION	
4-я стр. обл.	О.Р. ДМИТРИЕВА — Школьники спрашивают — ветераны отвечают <i>O.R. DMITRIEVA</i> — Pupils ask — veterane answer	

М.Ю. Лермонтов

Павел I

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ
ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Основан в августе 1939 года

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАМУХ Игорь Мадзинович, полковник

Заместитель главного редактора

АВЕРЧЕНКО Сергей Викторович,
подполковник, кандидат исторических наук

Ответственный секретарь редакции

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич,
капитан 2 ранга, кандидат военных наук

Научные редакторы

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

Н.М. ВЕРЕТЕННИКОВА;

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;

В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант

в отставке, кандидат исторических наук,
профессор;

Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса,
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник;

В.Г. ОПЛОКОВ, капитан 1 ранга

в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;

Р.И. ПАРФЕНОВ, старший лейтенант

Секретариат

М.В. ЗАБРОДИНА

(заместитель ответственного

секретаря редакции);

К.Н. АГАФОНОВА;

Е.В. КРИГЕР;

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник
культуры РФ;

Е.С. ДАНИЛИНА;

А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса

Художественный редактор

Т.Г. ПИМЕНОВА

Заведующая редакцией

М.П. МОИСЕЕВА

Перевод

Н.И. ВАХРОМЕЕВА

Компьютерная вёрстка

О.В. ТАРАСОВ, лейтенант;

А.В. СОЛОМАХИН, лейтенант

Адрес для переписки: 119160,
Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д,
редакция «Военно-исторического
журнала».

тел.: (495) 693-57-45,

8-906-751-06-97;

E-mail: Mil_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-
исторического журнала» и «Военно-
исторический журнал. Интернет
приложение» — на главной
странице сайта
Министерства обороны РФ
www.mil.ru

«VOENNO-ISTORICHESKY
ZHURNAL»
MONTHLY SCIENTIFIC POPULAR
EDITION OF THE MINISTRY OF
DEFENSE OF THE
RUSSIAN FEDERATION
Founded in August, 1939

Решением Президиума Высшей аттестационной
комиссии (ВАК) Министерства образования
и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
учёных степеней кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического
архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тела Вооружённых сил — заместитель министра обороны
РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор,
кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор
исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса,
кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной
академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук,
доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами,
генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического
журнала» (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель
начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба — председатель
Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат
политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения,
генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск,
полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный
работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-
политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ
по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской
службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов
г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского
кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических
наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной
стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке,
доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной
телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических
наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной
истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-
полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных
войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного
архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный
сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор
исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации,
доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Института военной истории МО РФ,
полковник, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОЛОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник
запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук,
доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов,
кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива,
кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ВОЗРОЖДЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

• По страницам редких изданий

В МОНОГРАФИИ* «Балтийский флот в период правления Екатерины II» исследуется сложный и многогранный процесс реформирования и строительства военно-морского флота на Балтике в период царствования императрицы Екатерины II. На обширном документальном материале, извлечённом из отечественных архивов, показано, как формировался внешнеполитический курс России и как он менялся в зависимости от государственных целей и задач, какая существовала финансовая программа кабинета Екатерины II и как проходило возрождение Балтийского флота.

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ЕКАТЕРИНЫ II

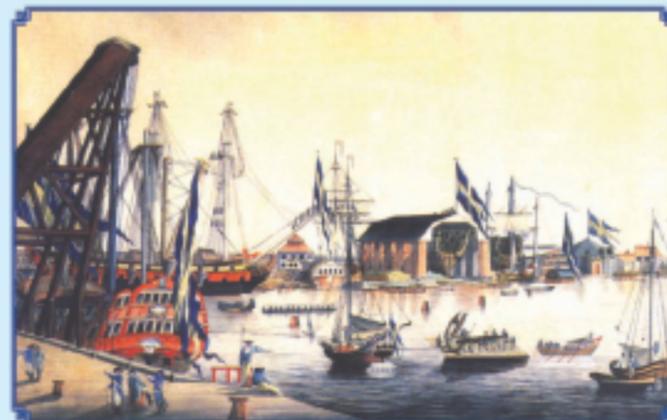
▲ Обложка книги

Панорама и план
Кронштадта
в конце XVIII в.

▼ Адмирал В.Я. Чичагов

Шведский кораблестроитель
Ф.-Г. Чапман

Главная база
шведского
флота в
Карлскроне.
Вторая
половина
XVIII в.

Выборгское
сражение
22 июня
1790 года
Художник
М. ПЕТРОВ-
МАСЛАКОВ,
1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

А.А. ЗДАНОВИЧ — Территориально-милиционная система комплектования войск глазами ОГПУ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

С.А. НИКИФОРОВ — «Убивай... этим самым прославишься навек». Немецко-фашистская оккупация на территории Центрального Черноземья

В.В. КОРОВИН — «Дезорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике». Партизанское движение в Центральном Черноземье

О.В. РОМАНЬКО — Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Д.Г. МАРТИРОСЯН — Генерал Г.Э. Берхман «управлял всем ходом того дела, которое кончилось большим успехом...». Приписанные заслуги генералов Н.Н. Юденича и М.А. Пржевальского

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

С.В. КУХОТКИН — Этапы большого пути. К 80-летию 33 Центрального научно-исследовательского испытательного института Министерства обороны Российской Федерации

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.А. КОНОРЕВА, И.Н. СЕЛИВАНОВ — СССР и война во Вьетнаме. 1965—1975 гг.

И.И. БЕЛОУСОВ — «Дабы... к службе охотным людям подать лутчей кураж и охоту». Проблемы военной кадровой политики России в xviii веке в документах Российского государственного военно-исторического архива

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

В.Г. КИКНАДЗЕ — Техническое оснащение отечественной морской радиоэлектронной разведки в 1930—1945 гг.

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Е.В. БЕЛОВА — Балканские военные поселения служили укреплению южной границы России. Середина XVIII века

Е.В. ЛАПЕНКО — Создание Черноморской береговой линии в XIX веке

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Э.А. НОСКОВА — Керченские военные храмы. Вторая половина XIX — начало XX века

Е.В. ВОЕЙКОВ — Красная армия в борьбе с топливным кризисом в Среднем Поволжье. 1919—1921 гг.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

Е.Л. СОСНИНА — Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях?

МОЛОДЁЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

[ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ](#)

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

[ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ](#)

А.В. БЕЛЯЕВ — Кадетские корпуса в годы Первой мировой войны

[ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ](#)

А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке

(Публикация В.А. ГУРКОВСКОГО)

[КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ](#)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — Они служили России

С.Н. ПОЛТОРАК — Неизвестное об известном ополчении

[КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА](#)

[ЗАБЫТОЕ ИМЯ](#)

[НАШИ ЛАУРЕАТЫ](#)

[ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ](#)

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

ЗДАНОВИЧ Александр Александрович —

заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

Территориально-милиционная система КОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК глазами ОГПУ

Одним из важных направлений военной реформы 1924—1928гг.* стал переход к комплектованию и обучению войск на основе территориально-милиционной системы. Форсированное внедрение этой системы создавало серьёзные трудности для органов госбезопасности в «чекистском»

обеспечении РККА. Поэтому уже в январе 1925года вопрос о работе в территориальных частях рассматривался как один из основных на Втором Всесоюзном съезде особых отделов Объединённого государственного политического управления (ОГПУ).

Данному вопросу значительное внимание уделил в своём вступлении помощник начальника Особого отдела ОГПУ Л.Б.Залин¹. Он, в частности, остановился на проводимом районировании зон комплектования территориальных частей. Непродуманные решения властей и отсутствие должного влияния со стороны Штаба РККА привели, например, к тому, что в Северо-Кавказском военном округе (СКВО) границы районов совпали с местностями, где ранее черпали свои кадры армии Белого движения, а не будённовские части. В итоге в число терармейцев формировавшейся на его территории отдельной кавалерийской бригады попали 3775человек, стоявших на спецучёте в качестве бывших белых (из 6000человек общего состава бригады)². Все они являлись сельскими жителями, и среди них также развивались так называемые крестьянские настроения³ — фактор угрозы политико-моральному состоянию территориально-милиционных частей.

Анализ выступлений участников съезда показывает, что особисты лишь внешне поддерживали соответствующие решения партийных и военных инстанций о широкомасштабном и форсированном переводе основной массы частей и соединений РККА на территориальный принцип комплектования. Они видели в этом существенные издержки, негативно влиявшие не только на боеготовность, но и на политическую надёжность войск.

Опасения чекистов в начальной фазе реформы разделяли М.Н.Тухачевский, Р.А.Муклевич и И.Т.Смилга, которые с первых лет после окончания Гражданской войны открыто и активно отстаивали свои взгляды. Причём если первый делал особое ударение на моментах военно-стратегического характера, а в центре доводов второго лежали соображения внутреннего политического и экономического свойства, то И.Т.Смилга, выступая на заседании Московского комитета партии большевиков, прямо заявил, что «милиционная система, основной признак которой — территориальность, встречает непреодолимое препятствие политического порядка... При малочисленности пролетариата в России мы не можем обеспечить пролетарского руководства в этих частях»⁴.

Авторы комментариев в сборнике «ВКП(б) и военное дело», подготовленном и изданном в 1927году по прямому заданию Политического управления РККА, не отрицая правильности выводов Смилги, тем не менее пытались убедить читателей в верности партийных решений. Они ссылались на авторитет М.В.Фрунзе, который настоял на переходе к территориальной системе в 1924году, поскольку якобы учёл новые экономические и политические реалии, сложившиеся к тому времени в стране. Позиция И.Т.Смилги была в итоге оценена как базировавшаяся на политическом заблуждении о непреодолимости разногласий между рабочими и крестьянами.

В ОГПУ отдавали себе отчёт в том, что переход к территориальной системе резко усилит влияние села на армию, обострит вопрос о «крестьянских настроениях» в ней, резко увеличит объём работы особистов по поддержанию должного уровня политической надёжности войск. И тем не менее они вынуждены были считаться с принятыми партийными установками на увеличение количества воинских частей, комплектовавшихся по территориально-милиционному принципу. Этот процесс набирал темп. Если в 1923году территориальные дивизии составляли 17,2проц. от общей численности имевшихся дивизий, то в 1926году их удельный вес достигал уже 65,8проц.⁵<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

* Основные мероприятия реформы были проведены в 1924—1925гг. Некоторые из них завершились только в 1928г., а итоги всей деятельности по укреплению Вооружённых сил были подведены в 1929г. (постановление ЦКВКП(б) «О состоянии обороны СССР» от 15июля 1929г.). Вот почему в публикациях о военной реформе приводятся различные её временные рамки: 1924—1925гг. или 1924—1928гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Залин (Левин) Лев Борисович (1897—1940). В ВЧК с 1920 года, работал в особых отделах Западного фронта, затем в иностранном отделе ГПУ. В 1924—1927годы являлся помощником начальника особого отдела ОГПУ. Репрессирован в 1938, расстрелян в 1940 г.

2 Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д.857. С. 14.

3 Под крестьянскими настроениями принято понимать отрицательные изменения в морально-политическом состоянии крестьянской массы красноармейцев, вызванные какими-либо принудительными и репрессивными мерами на селе со стороны партийных и советских властей.

4 ВКП(б) и военное дело. М., 1927. С. 223.

5 Сухопутные войска России: История создания, становления и развития. М., 2001. С. 292.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 ГГ.

Никифоров Сергей Александрович —

доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Курского филиала Орловского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (г. Курск)

«УБИВАЙ... ЭТИМ САМЫМ ПРОСЛАВИШЬСЯ НАВЕК»

Немецко-фашистская оккупация на территории Центрального Черноземья

Политика оккупационных властей, осуществлявшаяся на временно захваченной территории Советского Союза в 1941—1943гг., основывалась на националистических идеях руководства фашистской Германии. Нацисты провозгласили славян неполноценной расой, большую часть которой необходимо уничтожить, а оставшихся в живых превратить в рабов. Для реализации этих целей фашисты запланировали целенаправленный голод, снижение рождаемости, ликвидацию медицинского и санитарного обслуживания, снижение до минимума культурного и образовательного уровня жителей оккупированной территории Советского Союза. Нацисты

требовали «не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми»¹.

«Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе» — говорилось в одном из нацистских толкований «плана Ост». Жестокость поведения на захваченных советских территориях прививалась германским военным командованием каждому солдату вермахта, каждому чиновнику оккупационных властей через инструкции и памятки. Например, в одном из пунктов «Памятки немецкого солдата» говорилось: «У тебя нет нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навек»². Гитлер заявлял: «Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее замирено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд...»³.

Чудовищная жестокость обращения с советскими людьми вводилась в узаконенную норму. Призывы фашистского фюрера облекались в приказы немецких генералов. Так, в ходе Битвы под Москвой был захвачен приказ командующего 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке» от 10 октября 1941 года⁴. В нём германский военачальник требовал распространить репрессии не только на партизан, но и на все мужское население оккупированных территорий. Рейхенау приказал применять «решительные и жестокие меры»⁵ против тех лиц, которые не нанесли никакого вреда немцам, а лишь заподозрены в возможных с их стороны покушениях. Генерал-фельдмаршал требовал отбросить соображения гуманности, отказаться от ликвидации пожаров зданий, уничтожать художественные и исторические ценности на оккупированной территории⁶.

Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г.фон Рундштедт в зоне своей ответственности 12 октября 1941года также отдал приказ, аналогичный приказу Рейхенау. Главное командование сухопутных войск довело его в конце октября 1941 года до руководства всех групп армий и велело отдать соответствующие распоряжения⁷.

7 декабря 1941 года ставка верховного главного командования вооружённых сил Германии издала директиву об усилении мер наказания за выступления против оккупационных властей, ставшую широко известной под названием «Мрак и туман». Её суть состояла в том, чтобы запугать местных жителей, вселить в их сердца страх и ужас, широко применяя такой метод, как неожиданный арест даже ни в чём не повинного человека, обрекаемого, однако, на смерть. Арестованный исчезал бесследно, члены его семьи не должны были знать, что с ним происходит и где он. В препроводительном письме к этой директиве начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В.Кейтель писал: «Действенное и последовательное устрашение может быть достигнуто только смертными казнями или же мероприятиями, оставляющими в неведении о судьбе преступника членов его семьи и население»⁸. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Всероссийская Книга Памяти 1941—1945 гг. Обзорный том. М.,1995. С. 396.

2 Там же. С. 396, 397.

3 «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 107.

4 Не забудем, не простим. Материалы о зверствах немецких оккупантов над пленными красноармейцами и мирным населением во временно занятых советских районах. Политотдел армии, январь 1942. С. 5.

5 Там же. С. 7.

6 Там же. С. 6.

7 Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 2001. С. 88.

8 Там же.

КОРОВИН Владимир Викторович —

доцент кафедры конституционного права Курского государственного технического университета, вице-президент Курского научного краеведческого общества, кандидат исторических наук (г. Курск)

«ДЕЗОРГАНИЗОВАТЬ ТЫЛ ПРОТИВНИКА, ПРИЧИНИТЬ МАКСИМАЛЬНЫЙ УРОН ЕГО ЖИВОЙ СИЛЕ И ТЕХНИКЕ»

Партизанское движение в Центральном Черноземье

Вооружённая борьба народных мстителей на территории оккупированных гитлеровцами районов Центрального Черноземья была нацелена прежде всего на то, чтобы, как определялось соответствующими документами, дезорганизовать тыл противника, причинить максимальный урон его живой силе и технике. Одним из важнейших направлений боевой деятельности партизан в связи с этим стали диверсии на коммуникациях и военных объектах вражеских войск.

Задачи «взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов...»¹ были поставлены перед партизанскими отрядами ещё директивой СНК СССР и ЦКВКП(б) от 29 июня 1941 года. В период организации партизанских формирований (лето—осень 1941 г.) упомянутые задачи доводились до каждого бойца и командира. При этом запас взрывчатых веществ и боеприпасов в базовых лесах позволял совершать диверсии в тылу противника с первых дней боевой деятельности народных мстителей. Так, когда в октябре 1941 года немецко-фашистские войска вторглись на территорию западных районов Курской области, на путях их следования произошла серия диверсионных актов. Как следует из дневника Крупецкого партизанского

отряда, 9 октября «диверсионная группа в количестве 10 человек минировала дорогу Крупец — Рыльск». В результате этой акции было «взорвано бавтомашин, убито 43 немца и многие ранены». 10—11 октября «диверсионная группа из 8 человек минировала дорогу Марково — Рыльск, где подорвано 3 автомашины с немецкой пехотой, 1 с боеприпасами, 1 трактор-тягач». В дневнике также сообщалось, что «убито 29 немецких солдат и офицеров»². Правда, в конце октября отряд был окружён в лесу немецкой карательной экспедицией и рассеян, с этого времени он перешёл на подпольные формы борьбы.

В первые дни оккупации активную диверсионную работу проводили бойцы Дмитриевского партизанского отряда. В течение 12—30 октября они уничтожили 4 автомобиля с живой силой и продовольствием противника. В с.Пальцево (на дороге Дмитриев — Михайловка) партизаны отряда взорвали мост, а на участке дороги Михайловка — Дмитриев — Комаричи несколько раз разрушали телефонную связь. В сёлах Дерюгино и Богусловка партизаны Я.И.Соколов, И.Д.Сиухин и П.Я.Любимов подорвали 3 немецкие бронемшины³.

Сведения о диверсионной деятельности партизанских отрядов Курской области за октябрь 1941 года были получены 4-м отделом УНКВД через связных, прибывших из вражеского тыла. Обобщённые данные регулярно собирались в разведсводки для последующей передачи в самые высокие инстанции. Так, о боевых операциях, проведенных Дмитриевским партизанским отрядом, было сообщено в НКВД СССР 14 ноября 1941 года, а неделю спустя указанная информация была представлена председателю Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В.Сталину⁴.

Следует отметить, что наличие в Курской области двух районов со схожими названиями (Дмитриевского и Дмитровского) нередко приводило к ошибкам при составлении аналитических справок и оперативных сводок. Не стало исключением и донесение на имя И.В.Сталина, в котором боевые дела дмитриевских партизан были ошибочно приписаны Дмитровскому партизанскому отряду. Тот же с 28 октября вынужден был прекратить боевую деятельность по требованию колхозников, которые сообщили партизанам об ультиматуме, предъявленном оккупационными властями местному населению⁵. Вызвано было это активной деятельностью партизан. О ней сообщил связной Дмитровского отряда В.М.Болотин, прибывший в 4-й отдел УНКВД 17 ноября. По его донесению, 3 октября двумя партизанами на дороге Дмитриев — Ферзево был обстрелян мотоцикл противника, в результате чего ранен мотоциклист. 6 октября в селе Ферзево группа партизан напала на вражескую бронемашину, убив при этом двух немецких солдат. Шесть раз партизаны минировали дороги Дмитровск — Комаричи и Дмитровск — Кромы, по которым двигались танки и бронемшины противника.

Диверсионная деятельность партизанских отрядов западных и северо-западных районов Курской области в первый месяц борьбы с врагом имела ряд особенностей. Во-первых, командование отрядов и отдельные бойцы самостоятельно определяли объекты для диверсий, исходя из складывавшейся в районе их дислокации ситуации. Это объяснялось, с одной стороны, отсутствием единого центра, координирующего стратегическое использование партизанских сил, с другой стороны — необходимостью принятия оперативных решений на местах. Во-вторых, партизанами, как правило, уничтожалась автотехника с живой силой и военными грузами, передвигавшаяся по грунтовым дорогам или находившаяся в оккупированных врагом населённых пунктах. Железнодорожные магистрали области, над которыми в это время не был установлен полный контроль оккупационных войск, не входили в зону боевых действий партизанских отрядов. В-третьих, ни одна из проведённых бойцами отрядов диверсионных операций не

оставалась без принятия ответных репрессивных мер со стороны оккупантов. Это приводило к разгрому баз партизанских отрядов, рассеиванию их на мелкие группы и прекращению в ряде случаев активной боевой деятельности самостоятельно. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы. М., 1999. Т.20(9). С. 18.

2 Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД. Д.54. Л. 27, 28; Гусев П.В. В тылу врага. Документальное повествование. Воронеж, 1991. С. 29, 30.

3 АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 131. Л. 50.

4 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 745. Л. 3.

5 АУФСБ КО. Ф. 4-го отд. УНКВД. Д. 131. Л. 63, 64.

Романько Олег Валентинович —

доцент кафедры украиноведения Крымского государственного медицинского университета имени С.И. Георгиевского, кандидат исторических наук (г.Симферополь, Украина)

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ГРУППИРОВКА И СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

К середине осени 1941года немецкая армия установила полный контроль над советской Белоруссией. Вооруженной опорой созданного нацистами режима являлись силы по поддержанию порядка. Под этим общим названием подразумевались силовые образования, которые находились в подчинении военной, гражданской и полицейской структур оккупационной администрации¹.

Оккупационные части вермахта, находившиеся в подчинении командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», состояли из собственно частей и соединений вермахта, подразделений военной разведки (абвера), тайной полевой полиции, полевой жандармерии.

Главную силу по поддержанию общественного порядка в зоне ответственности военной администрации представляли охранные дивизии вермахта (Sicherungs Division), создание которых началось в январе 1941года. Их формированием занимался генштаб сухопутных войск, но функционировали они как специальные соединения в соответствии с приказом командующего

армией резерва генерал-полковника Ф.Фромма (от 3 марта 1941г.). На основании этого приказа были расформированы 3 пехотные дивизии, офицерские и унтер-офицерские кадры которых и пошли на укомплектование 9 охранных дивизий, вошедших в тыловые районы групп армий (по 3соединения в каждом). На долю группы армий «Центр» достались 213, 286 и 403-я охранные дивизии².

Новые соединения значительно отличалась от обычных пехотных, уступая им как в организации, так и в вооружении. Например, 286-я охранный дивизия (командир — генерал-лейтенант К.Мюллер) включала в себя 354-й пехотный (Infanterie Regiment Nr.354), состоявший из трёх пехотных батальонов, и 61-й охранный (Landeschützen Regiment Nr.61) полки, 213-й артполк (Artillerie Regiment Nr.213), 704-й охранный (караульный) батальон (Wach Bataillon Nr.704) и 354-ю сапёрную роту (Pionier Kompanie Nr.354)³. Примерно такими же были и остальные охранные дивизии.

Поскольку этих сил было явно недостаточно для поддержания на огромной территории должного порядка, число охранных дивизий вскоре пришлось увеличить. Всего за время войны в занятых советских областях действовали 15 подобных формирований⁴. На территории же собственно Белоруссии к декабрю 1941года их было четыре: 201-я (штаб в Лепеле), 203-я (в Бобруйске), 221-я (в Гомеле) и 286-я (в Витебске) охранные дивизии. Следует также назвать и служившие им усилением 229-ю отдельную пехотную роту, 12 противотанковых и 9 тяжёлого оружия рот, а также 11 артиллерийских батарей⁵, которые вместе с другими привлекались к несению службы по охране порядка в тыловом районе группы армий «Центр».

19 апреля 1944 года территория генерального округа «Белоруссия» была выделена в специальный тыловой район, где для управления находящимися здесь охранными формированиями вермахта была создана специальная должность. Её с апреля по июнь занимал генерал кавалерии Э.фон Роткирх-унд-Трах, которому подчинялись следующие соединения: 221-я охранный дивизия и 8-й венгерский армейский корпус в составе 24-й смешанной и 23-й резервной дивизий (на 15 апреля 1944 г.); 52-я охранный особого назначения, 221-я охранный и 391-я пехотная дивизии (на 15 мая 1944 г.); 221-я охранный и 391-я пехотная дивизии (на 15 июня 1944г.)⁶.

Важной структурой вермахта считалась военная разведка — абвер (Abwehr), которая на территории генерального округа «Белоруссия» была представлена специальной резидентурой, действовавшей в Минске с марта 1942 по июнь 1944года⁷. До середины 1942-го этот орган возглавлял подполковник Кребитц, позднее (до середины 1943г.) — майор Кесснер, которого сменил подполковник Ойлер. Главной задачей резидентуры являлась организация борьбы с разведкой Красной армии, парашютистами, радистами и подпольщиками в городах и других населённых пунктах. Для этого она имела три специальных представительства на местах (aussonstelle), располагавшихся при местных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе и имевших в целом те же, что резидентура, задачи⁸.

Весной 1941 года, почти перед самым нападением на СССР, каждой группе армий вермахта были приданы абверкоманды (Abwehrkommando), а армиям — подчинённые этим командам абвергруппы (Abwehrgruppe). Согласно своим функциональным обязанностям каждая из абверкоманд (абвергрупп) должна была заниматься разведывательной, диверсионной или контрразведывательной деятельностью. Поэтому в своей номенклатуре они имели соответственно цифры «1», «2» или «3», которые обозначали номер отдела в главном управлении разведки и контрразведки (абвера). Именно эти подразделения и подчинённые им спецшколы являлись основными органами разведки и контрразведки на всем протяжении существования

Восточного фронта. Из них на территории Белоруссии с 1941 по 1944 год действовали следующие (имеется в виду только территория военной администрации): в распоряжении штаба группы армий «Центр» 103, 203 и 303-я абверкоманды, штабов 2, 4 и 9-й полевых армий 105, 205 и 207-я, 108, 208, 308 и 316-я, 209, 307 и 309-я соответственно абвергруппы; в распоряжении штабов 2-й и 3-й танковой групп (затем армий) 107-я (вскоре передана в 9-ю полевую армию) и 109-я, 101, 113, 210, 310 и 318-я абвергруппы; в распоряжении различных комендатур — 215, 315, 325-я и так называемая люфтгруппа (Luftgruppe)⁹.

Особую роль в системе оккупационного аппарата Восточной Белоруссии исполняла тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei; GFP). Будучи составной частью вермахта, она осуществляла военно-полицейские функции. В её задачи входили: организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов и личная охрана высшего командного состава; наблюдение за военной корреспонденцией, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения; содействие в охране почтовых сообщений; розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих армий противника; проведение дознания и надзор за подозрительными лицами в зоне военных действий¹⁰.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об административной структуре оккупационного немецкого режима на территории Белоруссии см. Воен.-истор. журнал. 2008. №4.

2 Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С.107.

3 Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941—1944. New York, 2003. P. 124, 125.

4 Начиная с октября 1941 г. были созданы дополнительно к имевшимся 52, 201, 203, 325, 339 и 391-я охранные дивизии.

5 Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (BA-MA), RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/225, bl. 12—15; RH 22/230, bl. 3.6 Krausnick H. Op. cit. S. 306.

6 Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 339—348.

7 По документам немецкой военной разведки эта резидентура проходила как Abwehrenebenstelle Minsk.

8 Чув С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. СПб.; М., 2003. Кн.1. С. 36—39, 44.

9 Там же. С. 56—153.

10 BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht — Amt Ausland / Abwehr, RW 5/283, bl. 1—3. (По сути, тайная полевая полиция выполняла в зоне военной администрации те же функции, что и полиция безопасности и СД на территории гражданской администрации).

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

МАРТИРОСЯН Давид Георгиевич —

старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук (Москва)

ГЕНЕРАЛ Г.Э. БЕРХМАН «УПРАВЛЯЛ ВСЕМ ХОДОМ ТОГО ДЕЛА, КОТОРОЕ КОНЧИЛОСЬ БОЛЬШИМ УСПЕХОМ...»

Приписанные заслуги генералов

Н.Н.Юденича и М.А.Пржевальского

В отечественной и зарубежной военно-исторической литературе немало исследований посвящено боевым действиям на Кавказском фронте Первой мировой войны (октябрь 1914 — декабрь 1917г.)*. Несмотря на второстепенный характер этого театра военных действий, особый интерес современных исследователей (главным образом российских) при изучении происходивших на нём событий связан в первую очередь с личностью одного из самых заметных деятелей Белого движения — генерала от инфантерии (1915г.) Н.Н.Юденича.

Основополагающими при написании историко-публицистических работ по данной тематике до сих пор являются исследования двух авторов: Е.В.Масловского¹ и Н.Г.Корсуна². На их базе и ведётся повествование о становлении полководческого таланта генерала Н.Н.Юденича и описываются те операции, благодаря которым он и руководимая им Кавказская армия (со 2апреля 1917г. — фронт)³ добилась ряда замечательных побед над войсками Османской империи. Первой и, пожалуй, наиболее яркой и удачной являлась Сарыкамышская оборонительная операция (9декабря 1914 — 5января 1915г.).

В этом сравнительно масштабном и кровопролитном сражении (с обеих сторон в нём участвовали в общей сложности около 200тыс. человек) решался по сути один вопрос — удержит ли Российская империя контроль над Закавказьем?

Итог схватки двух вековых противников хорошо известен. Русским войскам (I Кавказский и II Туркестанский армейские корпуса) удалось не только отразить натиск трёх корпусов 3-й турецкой армии, но и практически полностью их разгромить. Особую значимость успеху придавало то, что руководил войсками противника военный министр Турции (фактический глава государства) маршал Энвер-паша⁴.

Что же касается триумфатора со стороны победителей, то им был объявлен начальник полевого штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Н.Н.Юденич, которого в качестве признания его заслуг в январе 1915года представили к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени.

С подобной трактовкой событий не согласился командир I Кавказского армейского корпуса генерал от инфантерии Г.Э.Берхман⁵, возмущённый тем, что его заслуги в победе над турками в Сарыкамышском сражении должным образом не были оценены. Сославшись на болезнь, он сдал командование корпусом и выехал в Тифлис⁶. Там Берхман возбудил перед главнокомандующим Кавказской армией, наместником царя на Кавказе генералом от кавалерии и генерал-адъютантом графом И.И.Воронцовым-Дашковым⁷ особое ходатайство о признании его руководящей роли в период Сарыкамышской операции и награждении орденом Святого Георгия Победоносца. Не получив ответа на свой рапорт, генерал от инфантерии Г.Э.Берхман отправился в Ставку Верховного главнокомандующего, но, встреченный там холодно начальником штаба генералом от инфантерии Н.Н.Янушкевичем⁸, не был даже принят великим князем Николаем Николаевичем. В рапорте от 30 апреля 1915 года, который Г.Э.Берхман так и не смог представить Верховному главнокомандующему, говорилось: «Ваше Императорское Высочество, в течении многих месяцев я тщетно пытался от кого-либо узнать, в чём моя вина, которая могла вызвать такое страшное на меня неудовольствие Главнокомандующего Кавказскою армиею. Но таковую мне решительно никто не указал, а сам Главнокомандующий до сего дня меня не принял и на мой рапорт с донесением о моём отличии, определяемом Статутом Ордена Святого Георгия Победоносца, а равно и на мой документальный доклад, никакого ответа не дал.

Ваше Императорское Высочество, я живу под страшным гнётом, как самый тяжкий преступник, а между тем решительно не знаю за собою ни малейшей вины и всю свою долгую и честную мирную и боевую службу провёл среди Кавказских войск, всегда имея от них почёт и уважение»⁹.

По возвращении в Тифлис генерал от инфантерии Г.Э.Берхман получил наконец долгожданный ответ на свои письма и обращения, направленные в штаб Кавказской армии. В письме от 4 июля 1915 года генерал от кавалерии И.И.Воронцов-Дашков вновь отказался признать факт решающего значения для победы над турками в Сарыкамышской операции действий и распоряжений командира I Кавказского армейского корпуса. Доводы главнокомандующего Кавказской армией, подкреплённые выдержками из рапортов генералов Н.Н.Юденича и М.А.Пржевальского¹⁰, заключались в следующем: «Итак, сводя всё вышесказанное, заключаю, что Вы не были единоличным начальником и не начальствовали Сарыкамышским отрядом до взятия Бардусского перевала**», почему я и не признал возможным представить Вас к ордену Св.Георгия 4ст., но нашёл справедливым представить к высокой награде — ордену Св.Александра Невского с мечами за направление конницы генерала Баратова и пластунов 2-й бригады через Башкей, Каракурт к Ель-Кечмезу***, каковой манёвр был вполне целесообразным и способствовал общему нашему успеху. В виду всего изложенного, в отношении награждения Вас орденом Св. Георгия 4-й степени считаю, что с моей стороны вопрос является вполне исчерпанным. Уважающий Вас гр.Воронцов-Дашков»¹¹.

Возмущённый полученным ответом генерал от инфантерии Г.Э.Берхман вновь вступает в переписку с главнокомандующим Кавказской армией. В его письме от 31 августа 1915 года приводится целый ряд документов, доказывающих, что именно он и никто другой был полноправным и единственным начальником Сарыкамышского отряда¹².<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

* Все даты указаны по старому стилю.

** Стратегически важный Бардусский перевал находился в 5верстах от Сарыкамыша и господствовал над всем Турнагельским горным хребтом, лесистые отроги которого охватывали

селение с северо-запада. В ночь с 12 на 13 декабря 1914г. перевал был занят прорывавшимися к Сарыкамышу дивизиями 9-го турецкого корпуса, а 20—21 декабря отбит частями отряда полковника Г.Н. Маслянникова.

*** Речь идёт о сосредоточении к 20—21 декабря 1914г. в районе между Сарыкамышем и Карсом ударной группы (11S батальона пехоты и 14 сотен конницы) генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова (командир 1-й Кавказской казачьей дивизии). В последующие дни основной задачей данной группы являлось преследование остатков отступавших из района Сарыкамыша турецких частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917гг.: Стратегический очерк. Париж, 1933.

2 См.: Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914—1915гг. М.: Воениздат, 1937; Его же. Эрзерумская операция. М.: Воениздат, 1938; Его же. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны 1915 году. М.: Воениздат, 1940; Его же. Первая мировая война на Кавказском фронте. М.: Воениздат, 1946.

3 В марте 1917 г. полевое управление Кавказской армии было обращено на формирование штаба одноимённого фронта (создавался в прежнем составе), а для руководства её войсками образовано новое полевое управление. Н.Н.Юденич являлся командующим армией с января 1915г. по конец марта 1917г. и главнокомандующим войсками Кавказского фронта — с апреля по май 1917г. (с конца мая этого года в отставке).

4 Энвер-паша (1881—1922) — турецкий политический и военный деятель, генералиссимус (1918). Один из руководителей Младотурецкой революции 1908г. и подавления контрреволюционного мятежа 1909г., участник государственного переворота 1913г., после которого стал членом диктаторского триумvirата (Талаат — Энвер — Джемаль). Один из идеологов «пантюркизма», активный сторонник сближения с Германией и вовлечения Турции в мировую войну на стороне Центральных держав. В годы Первой мировой войны, несмотря на свою молодость, одновременно занимал посты военного министра, заместителя главнокомандующего турецкой армией (главнокомандующим формально являлся падишах) и начальника генерального штаба, т.е. сосредоточил в своих руках всю военную власть в Османской империи.

5 Берхман Георгий Эдуардович (1854—1929) — генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой и Первой мировой войн. Всю службу прошел по Генеральному штабу в Кавказском военном округе, за исключением 1893—1899гг., когда был командиром 257-го пехотного Потийского и 81-го пехотного Апшеронского полков. С 1907 по 1913г. — начальник штаба Кавказского округа. В начале Первой мировой войны — командир I Кавказского армейского корпуса.

6 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 927. Л. 338.

7 Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837—1916) — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1881—1897 гг. — министр императорского двора и уделов. В 1905—1915 гг. — наместник царя на Кавказе и командующий Кавказским военным округом. В годы Первой мировой войны — главнокомандующий Кавказской армией. После ухода в отставку (1915) со всех военных постов и до смерти оставался членом Государственного совета.

8 Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — генерал от инфантерии. Профессор кафедры военной администрации, а затем начальник Академии Генерального штаба. В 1914—1915гг. — начальник штаба Верховного главнокомандующего. В 1915—1917гг. — помощник заместителя царя на Кавказе по военной части и главный начальник снабжения Кавказской армии (фронта). После Февральской революции 1917г. уволен Временным правительством в отставку. В 1918 г. при попытке грузинских властей депортировать его, предварительно арестовав, в Советскую Россию стал жертвой самосуда конвоиров.⁹ Там же. С. 56—153.

9 См.: Сарыкамышская операция 12—24 декабря 1914 года (некоторые документы). Париж, 1934. С. 12.

10 Пржевальский Михаил Алексеевич (1859—1934) — генерал от инфантерии. С 1908 г. — начальник 1-й Кубанской пластунской бригады, которая с началом Первой мировой войны находилась в составе Кавказской армии. С февраля 1915 по апрель 1917г. — командир II Туркестанского армейского корпуса. В июне—декабре 1917г. — главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Вступил в Белую армию и в конце 1918 г. назначен генералом А.И.Деникиным командующим добровольческими войсками на Кавказе. С 1919 г. в эмиграции.

11 Сарыкамышская операция 12—24 декабря 1914 года (некоторые документы). С. 1512 См.: Сарыкамышская операция 12—24 декабря 1914 года (некоторые документы). Париж, 1934. С. 12.

12 Там же. С. 15—44.

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

КУХОТКИН Сергей Владимирович —

начальник 33 ЦНИИИ МО РФ, полковник, кандидат технических наук, доцент (г. Вольск, Саратовская обл.)

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

К 80-летию 33 Центрального

научно-исследовательского испытательного института Министерства обороны Российской Федерации

Федеральное государственное учреждение 33-й Центральный научно-исследовательский испытательный институт Министерства обороны Российской Федерации (ЦНИИИ МО РФ) был основан в 1928 году в Москве как Институт химической обороны имени Осоавиахима¹. Однако ещё раньше, в начале 1920-х годов в Шиханах Саратовской области совместно с Германией была

создана так называемая аэрохимическая станция, получившая название «Томка», а несколько позже поблизости — Центральный военно-химический полигон (ЦВХП), которому после ликвидации в 1933 году «Томки» перешли все её строения, транспорт и оборудование на сумму до 50 тыс. рублей.

Долгое время институт и полигон существовали в отрыве друг от друга, и лишь в 1961 году в связи со сложившейся политической обстановкой и проводимыми организационно-штатными мероприятиями институт был передислоцирован в Шиханы и объединён с полигоном.

Надо отметить, что, несмотря на непоследовательность и противоречивость сотрудничества РККА и рейхсвера в области военной химии, обе стороны получили определённые выгоды. Германия, обходя требования Версальского договора, ускорила разработку отравляющих веществ и соответствующих вооружений, для СССР передовой немецкий опыт послужил ориентиром в самостоятельном поиске современных для того времени отравляющих веществ (ОВ) и средств противохимической защиты. Денег на это не жалели. В первую пятилетку (1929—1932) на военно-химические цели было выделено почти полмиллиарда рублей, а объём аналогичных капиталовложений на следующие пять лет (1933—1937) увеличился в 2 раза.

Уже в первый год существования института был принят на вооружение новый фильтрующий противогаз, который, как и противогаз Зелинского³, имел все элементы, обеспечивающие защиту от известных в то время ОВ. В последующие десять лет создавались как общевойсковые противогазы, так и специальные фильтрующие для командного состава, лётчиков, танкистов, кавалеристов, работы на суше и под водой. Всего к 1940 году было разработано и принято на вооружение более 20 образцов средств защиты от ОВ органов дыхания, а также кожи — это тяжёлые и легкие комбинезоны, плащ-накидки, импрегнированное обмундирование и бельё. К началу войны РККА получила 18 новых образцов средств защиты личного состава от кожно-нарывных ОВ. Кроме того, в довоенный период было создано 17 образцов средств коллективной защиты, принято на снабжение пять образцов дегазирующих веществ и растворов, ранцевые дегазационные приборы. В 1931 году была создана первая авторазливочная станция, а в 1938-м разработана автодегазационная машина на отечественном автомобильном шасси. Проводились исследования по изысканию новых режимов дегазации обмундирования, методов и средств индикации ОВ, необходимых для организации системы наблюдения и сбора данных о химической обстановке. Благодаря этим разработкам к началу войны появились первые отечественные простейшие индикаторные средства, пригодные для химической разведки и индикации основных ОВ ведущих зарубежных государств. Одновременно исследовались токсические свойства ОВ при ингаляции и кожно-резорбтивном действии, разрабатывались меры профилактики и лечения поражённых, оценивались характеристики средств защиты кожи и эффективность дегазации. Проводились также работы по созданию новых дымообразующих веществ и технических средств их применения, в том числе дымовых гранат и шашек для имитации горения танков, танковых дымовых приборов и дымовых прицепов.

С середины 1930-х годов начались работы по созданию отечественного зажигательного оружия, появились новые зажигательные смеси и составы, а также средства их применения — струйные огнемёты. Принятые на вооружение огнемётные танки успешно применялись в боях на Дальнем Востоке, а также при прорыве линии Маннергейма. Полученный опыт привёл к решению ставить огнемёты не вместо артиллерийского вооружения, а в дополнение к нему. Так, до начала Великой Отечественной войны были приняты на вооружение огнемёт для танка Т-34, ранцевый огнемёт, ручные противотанковые зажигательные гранаты (бутылки) и авиационные зажигательные

ампулы. Параллельно шло создание различных видов химического вооружения — выливных авиационных приборов, химических снарядов и бомб, газомётов⁴.

Непосредственно перед войной на полигоне в Шиханах испытывались химические снаряды к реактивным установкам БМ-13. Таким образом, несмотря на все трудности, а также отсутствие научного и производственного задела, к началу 1940-х годов были определены главные направления развития отечественного химического оружия (ХО) и средств противохимической защиты, разработаны и запущены в серийное производство основные образцы соответствующей техники и необходимого вооружения.

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой не только технического оснащения и сложившихся взглядов на боевое применение химических войск, но и деятельности Научно-исследовательского химического института РККА (НИХИ)⁵.

Решая задачи полного удовлетворения нужд действующей армии, институт продолжил работу по совершенствованию фильтрующих противогазов: созданная им и принятая на вооружение новая противогазовая коробка превосходила по защитным характеристикам зарубежные образцы. Особое внимание уделялось изучению трофейных средств защиты с целью повышения надёжности отечественных противогазов. Были проведены испытания фильтро-вентилирующей установки для полевых сооружений, разработана защитная прорезиненная и огнезащитная фильтрующая ткань, ставшая основой для создания танкового огнезащитного костюма. В то же время был разработан и лёгкий защитный костюм, который благодаря удачной конструкции и хорошим эксплуатационным показателям успешно используется до настоящего времени.

В связи с затруднениями по производству применявшихся ранее средств дегазации институт начал изыскание подручных средств. В этих целях исследовалась возможность использования противопожарных пен, проводился поиск новых дегазирующих веществ. Были созданы групповой дегазационный комплект, упрощённая авторазливочная станция, разработаны новые авторазливочные станции на шасси студебекеров, комплект для дегазации обмундирования и снаряжения, подвесные дегазирующие приборы к автомобилям.

Интенсивно продолжались поиски более совершенных средств обнаружения ОВ. Взамен сумки химика-разведчика с 1943 года стал применяться войсковой прибор химической разведки, укомплектованный индикаторными трубками на все известные ОВ.

Была завершена разработка танкового дымового прибора с использованием морских дымовых шашек, разработана специальная мортира для метания дымовых гранат. Возрастающие нужды фронта в средствах аэрозольной маскировки при отсутствии достаточной сырьевой базы потребовали поиска дешёвого сырья для производства аэрозолеобразующих составов. Исследования привели к созданию четырёх металлохлоридных аэрозолеобразующих рецептур на основе легкодоступных материалов. Созданная в институте дымовая аппаратура широко применялась в ходе войны для аэрозольной маскировки переправ, крупных промышленных центров страны и др.

С началом войны институту были поставлены задачи и на разработку новых и совершенствование существующих огнемётно-зажигательных средств. В это время широко применялись так называемые зажигательные бутылки, для которых в институте предложили недорогие и эффективные горючие смеси. В 1941 году на вооружение поступил фугасный огнемёт, был

модернизирован танковый огнемёт, устанавливаемый на Т-34 и KV, усовершенствован ранцевый огнемётб.

На Шиханском полигоне были продолжены испытания средств химического вооружения. В частности, в 1942 году проведены испытания так называемого химического танка, в ходе которых была показана возможность постановки с его использованием облаков ОВ. Для борьбы с танками противника был разработан бронебойный снаряд с химическим снаряжением к 45-мм пушке. Проводились испытания трофейных образцов защиты и боеприпасов7.

Создание и широкое промышленное производство в военных условиях надежных средств защиты, современных средств индикации ОВ, массовых и дешёвых средств дегазации, чёткая организация противохимической службы войск, поддержание в армии высокой химической дисциплины способствовали отказу фашистской Германии от применения в войне имеющегося в её распоряжении самого современного для того времени химического оружия.

В послевоенный период НИХИ продолжал решать задачи по защите личного состава Вооружённых Сил и гражданского населения от поражающих факторов новых видов оружия. Тогда в институте были разработаны новый изолирующий противогаз, автоматические газосигнализаторы, образцы машин химической разведки с термодымовой аппаратурой и др. Были детально изучены токсикологические характеристики ОВ иностранных армий, исследованы биохимические механизмы их действия на живые организмы.

В конце 50-х годов XX века перед институтом была поставлена задача по постепенному переходу от разработки отдельных образцов противохимической защиты к созданию средств комплексной радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты. Так появились респираторы, фильтрующие противогазы для гражданского населения, противогазы для детей, защитное обмундирование из ткани, импрегнированной в заводских условиях, что было удостоено Государственной премии.

Интенсивные исследования в области поиска рецептур для дегазации фосфорорганических ОВ завершились принятием на снабжение в 1949 году дегазирующего раствора на основе синтезированного в нашей стране гексахлормеламин.

Продолжались работы по модернизации технических средств химической разведки. С 1954 года в армию стали поступать новые приборы химической разведки, укомплектованные индикаторными трубками на все известные в то время ОВ, а также переносные и автомобильные химические лаборатории, предназначенные для исследования различных проб на содержание ОВ. Их разработчики получили Государственную премию.

Появление в 1950-х годах высокотоксичных фосфорорганических ОВ потребовало создания автоматических газосигнализаторов, которые устанавливались на разведывательных химических машинах, оснащённых также приборами радиационной разведки, средствами отбора проб, обозначения заражённых участков местности, сигнализации о заражении, а также специальной обработки и защиты. Такие машины предназначались для ведения РХБ разведки в тактическом звене, обеспечивали защиту экипажа от пуль и осколков, могли применяться в сложных топографических и метеорологических условиях.

Институт продолжил исследования фосфорорганических ОВ: механизма их действия, клинической картины поражения, категории доз и концентраций.

Изучался и обобщался опыт применения зажигательного вооружения в годы Великой Отечественной войны. Были разработаны лёгкий и тяжёлый пехотные огнеметы, которые имели вдвое большую дальность огнеметания и могли производить три выстрела, а также новые танковые огнеметы. К концу 1950-х годов наметился успех в создании новых огнесмесей и средств их применения, шло совершенствование дымовых средств, в том числе с целью их использования для ослабления инфракрасного излучения, была разработана модернизированная дымовая машина с термодымовой аппаратурой.

После объединения в 1961 году с полигоном и передислокацией института в Шиханы началась разработка принципиально новых общевойсковых индивидуальных средств защиты, в том числе и от оружия массового поражения (ОМП). С этой целью были разработаны коллекторные фильтровентиляционные установки для бронетанков и автотранспорта, фильтровентиляционные агрегаты для фортификационных сооружений, проведены испытания автоматизированных систем защиты танков. Удалось также решить задачи по дегазации высокотоксичного отравляющего вещества VX, впервые в мировой практике была создана тепловая машина специальной обработки, действие которой основано на использовании газовых и газокапельных потоков, генерируемых турбореактивным авиационным двигателем.

Одним из основных направлений с первых лет работы института в Шиханах стало обоснование требований к перспективной системе средств РХБ разведки. В 1962—1963 гг. проводились испытания войскового и полуавтоматического приборов химической разведки, начаты работы по созданию автоматических приборов химической разведки для обнаружения паров и аэрозолей наиболее токсичных ОВ. Параллельно шла разработка комплексных приборов РХБ разведки для разведывательных химических машин. Вскоре на снабжение поступила бронированная разведывательная дозорная машина радиационной и химической разведки, оснащённая самым современным для того времени комплексом приборов, в том числе и ночного видения.

Было всё подготовлено для создания приборов радиационной разведки, дозиметрического контроля, разрабатывались новые методы скрининга токсичных химикатов, проводилась их первичная токсикологическая оценка, изучались фармакологические, биофизические и биохимические особенности механизма их действия.

С начала 1970-х годов в институте продолжались исследования по совершенствованию средств индивидуальной защиты органов дыхания, завершившиеся принятием на вооружение малогабаритного фильтрующего противогаза с системой приёма воды в заражённой атмосфере. Всесторонним испытаниям подвергалась бронетанковая техника и ракетные комплексы, по результатам которых Вооружённые Силы получили надёжные средства коллективной защиты, заняв в этой области ведущее место в мире. В последующем были проведены исследования по предотвращению заражения наружных и внутренних поверхностей военной техники, завершившиеся принятием на снабжение самодегазирующих покрытий. Проводимые в институте исследования дали путёвку в жизнь многим приборам, без которых сегодня было бы весьма трудно вести радиационную и химическую разведку. Это измеритель мощности дозы, явившийся первым дозиметрическим прибором, сочетающим в себе качества измерительного средства с автоматическим датчиком информации о радиационной обстановке автоматизированной системы управления войсками; комплекс средств автоматизированного управления РХБ разведкой; комплексные средства радиационной разведки, обеспечивающие выявление радиационной обстановки как в условиях применения ядерного оружия, так и при крупномасштабных радиационных авариях.

Возобновились также исследования по разработке новых средств огнеметно-зажигательного вооружения и аэрозольной маскировки, созданы огнесмеси всепогодного действия, за что разработчики были удостоены Государственной премии. В 1975 году был принят на вооружение первый реактивный пехотный огнемет, снабженный маловязкой напалмовой огнесмесью, а в дальнейшем разработан принципиально новый тип реактивного пехотного огнемета с термобарическим выстрелом. За его разработку в 1986 году также была присуждена Государственная премия. Параллельно исследовались возможности создания объемного высокотемпературного теплового поля, что явилось основой для разработки огнеметной реактивной системы залпового огня с термобарическими боеприпасами⁸.

В начале 1980-х годов институт был привлечен к подготовке «Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения ХО и о его уничтожении». В ходе этой работы были предложены методы уничтожения осадков, образовавшихся в результате хранения ОВ кожно-нарывного действия, технологии уничтожения боеприпасов в снаряжении кожно-нарывными ОВ, разработаны стандартные образцы токсичных химикатов для обеспечения контроля конвенциональной деятельности.

Произошедшие в стране в 1980—1990-х годах политические и социально-экономические изменения отразились и на жизни института. Однако, несмотря на трудности практически все научные направления удалось сохранить, удержав тем самым ведущие позиции в военно-промышленном комплексе России.

Сегодня институт располагает 15 специализированными лабораторными корпусами, оборудованными современными приборами и аппаратурой для физико-химических, спектрометрических, радиометрических, токсикологических и медико-технических исследований. На полигоне имеется необходимое количество испытательных площадок, позволяющих с высокой степенью безопасности проводить уникальные натурные эксперименты с токсичными химикатами, испытания образцов вооружения и средств РХБ защиты. По своим характеристикам и возможностям данный полигонный испытательный комплекс является уникальным объектом, не имеющим отечественных и зарубежных аналогов.

В 33 ЦНИИИ МО РФ трудится большой коллектив ученых, насчитывающий более 100 докторов и кандидатов наук. В его стенах только за последнюю четверть века подготовлено более 40 докторов и 300 кандидатов наук. За выдающиеся заслуги в деле химической обороны страны звания Герой Социалистического Труда были удостоены генералы Л.А.Дегтярев и А.Д.Кунцевич, 25 ученых института стали лауреатами Государственной премии.

33 ЦНИИИ ныне является головной научно-исследовательской организацией МО РФ в области РХБ защиты войск и объектов. Проводимые исследования направлены на осуществление прогнозной оценки возможности разработки за рубежом новых видов ОМП, обоснование научно-методических основ организации системы обеспечения химической безопасности войск в повседневной деятельности, при возникновении чрезвычайных ситуаций в результате техногенных аварий и террористических актов, разработку и обоснование тактико-технических требований к перспективным образцам вооружения и средств РХБ защиты, военно-научному сопровождению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию новых образцов вооружения и военной техники.

Окидывая мысленным взглядом 80-летнюю историю института, можно с уверенностью сказать, что творчество и самоотверженность многих поколений военных ученых-химиков позволили

создать современную систему защиты, обеспечившую РХБ безопасность России в эпоху появления и бурного развития самого страшного в истории человечества оружия — оружия массового уничтожения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В довоенный период институт дважды переименовывался: в 1932г. — в Институт химической обороны ВОХИМУ РККА, а в 1934г. — в Научно-исследовательский химический институт РККА (НИХИ).

2 Горлов С.А. Советско-германское военное сотрудничество в 1920—1933гг. // Международная жизнь. 1990. №6. С. 107; Бойцов В.В. Секретные лаборатории рейхсвера в России // Армия. 1992. №6. С. 68.

3 Зелинский Николай Дмитриевич (1861—1953) — химик-органик, академик АН СССР (1929), Герой Социалистического Труда (1945). Созданный им в 1915г. противогаз был принят в 1916г. на вооружение русской армии.

4 Газомётом называлось оружие, применявшееся в Первую мировую войну для заражения местности ОВ. Представлял собой короткий ствол диаметром 18—20см с опорной плитой. Стрельба велась минами, содержащими 9—27кг ОВ (фосген, дифосген, хлорпикрин, иприт и др.), на дальность до 1—2км. Впервые применен английской армией в 1917г.

5 С 1941 по 1943г. основная часть НИХИ находилась в эвакуации в Ташкенте. В Москве осталась оперативная группа квалифицированных специалистов для оказания помощи предприятиям промышленности в организации производства средств противохимической защиты.

6 Общие потери противника от применения зажигательного вооружения составили более 55тыс. живой силы, почти 3,3тыс. танков и САУ и около 12тыс. огневых точек.

7 В конце 1944года специалисты института обследовали захваченный немецкий химический завод по производству фосфорорганических ОВ. Небольшое количество этих веществ было доставлено в институт. В результате исследования были установлены формулы табуна и зарина. Сразу после войны учёные разработали способ получения зомана, началось его всестороннее изучение. За эту работу была присуждена Государственная премия.

8 За большой вклад в укрепление обороноспособности государства институт в ознаменование полувека со дня образования был награждён в 1968году орденом Красного Знамени, а в 1978-м в связи с 50-летием Советской армии и Военно-морского флота — орденом Трудового Красного Знамени.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Конорёва Ирина Александровна —

старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории Курского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Курск)

Селиванов Игорь Николаевич —

заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Курск)

СССР И ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ. 1965—1975 ГГ.

В последние годы участие СССР в локальных войнах и вооружённых конфликтах периода «холодной войны» является у нас в стране предметом оценок как профессиональных историков, так и публицистов. Разброс мнений здесь самый широкий: от полного непризнания позитивным самого факта такого участия до некритического восхваления всего, что было связано с акциями СССР в ходе того или иного международного конфликта.

В качестве примера первой тенденции приведем лишь одну, на наш взгляд, характерную цитату из публицистической работы, размещённой в сети Интернет, в которой как в зеркале отражён некий общий штамп оценок внешней политики СССР послевоенного времени: «Освободив мир от фашистской чумы, мы принесли благодарным народам мира свою культуру бактерий. В Корее, в Венгрии, в Чехословакии, в Афганистане, в Чечне мы забывали и забываем важные исторические уроки, запальчиво воюя с человечеством, расплачиваясь за свою слепоту утратами и национальным позором»¹.

После прочтения подобного рода высказывания у неискушенного читателя может сложиться впечатление, что участие СССР в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века представляет, ни много ни мало, сплошную цепь ошибок и преступлений перед цивилизованным миром.

Никто не спорит, были и ошибки. Правда, на весах какой Фемиды и по каким критериям их необходимо определять? Какие судьи и в каком суде вынесут подобный вердикт? Однако, неужели только наша страна повинна в трагедиях той же Кореи, Афганистана или Венгрии? Наконец, все ли народы, в судьбах которых принимал то или иное (в том числе военное) участие СССР, обвиняют нашу страну в том, что это обстоятельство обязательно приводило их к катастрофе?

Видимо не случайно в упомянутой публикации в перечне фактов «национального позора» нашей страны не назван Вьетнам. А ведь и в этой стране осуществлялось активное советское военное, экономическое и политическое участие. Но мировое общественное мнение почему-то связывает преступность политики в отношении Вьетнама именно с Соединёнными Штатами Америки. Об этом откровенно писали и до сих пор пишут даже в самих США ряд известных политиков, ученых-международников и публицистов. Правда, нынешний президент США Дж. Буш, выступая в августе 2007 года перед американскими ветеранами войны во Вьетнаме, вновь подтвердил, что считает американских солдат выполнившими свой долг перед отечеством.

Не все современные отечественные публицисты столь благодушны к роли СССР в событиях вьетнамской войны. Вот, например, одна из трактовок этой проблемы: «За положение во Вьетнаме наша страна несет свою долю ответственности, поскольку именно она в свое время

навязала Вьетнаму коммунистический режим... С этим трудно спорить. Кремлевское руководство действовало в рамках своей логики “мировой революции”, или, если точнее, установления мирового коммунистического господства. Вся история коммунистической агрессии и заключалась в поэтапном поиске “слабых звеньев капитализма”. В 1960-х годах таковым стал Вьетнам... Этапы вьетнамской войны 1964—1975 годов хорошо известны. Проникновение коммунистов из Северного Вьетнама в южновьетнамские деревни. Превращение с помощью террора и запугивания этих деревень в свои базы, приход в страну американских войск. Демагогические крики вьетнамских коммунистов о войне против народа. Негативное отношение мировой и частично американской общественности к этой войне. Уход американцев. Победа коммунистов в 1975 году... Почему это произошло и кто в этом виноват? Естественно, вьетнамские коммунисты и поддерживающее их руководство СССР. Долю вины, наверное, должно взять на себя и общественное мнение демократического мира, которое все упреки адресовало руководству США. Да, в большинстве своем оно руководствовалось гуманными соображениями (“под бомбами гибнут дети”)... Но все требования прекратить войну адресовались тому же Вашингтону, а “другая сторона” выносилась за скобки, хотя фактическим агрессором была именно она»².

Действительно, трудно спорить с подобного рода высказываниями. Хотя бы потому, что когда во Вьетнаме в августе 1945 года к власти пришли сторонники Хо Ши Мина, то там не только не было «руки Москвы», но и даже ее мизинца. Этот неоспоримый факт в свое время признали даже составители «Секретных бумаг» Пентагона, которых в конце 1960-х годов было трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к СССР.

Более того, известны факты другого рода, когда Хо Ши Мин несколько раз обращался в 1945—1946 гг. к американскому президенту Г. Трумэну с просьбой поддержать Вьетнам в его борьбе за независимость от Франции, а американские военнослужащие участвовали в проведенном сторонниками Хо Ши Мина параде победы в Ханое в сентябре 1945 года. Факсимиле одного из таких писем Хо Ши Мина, как и многие подобные материалы, можно без труда найти в Интернете³. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мильштейн И. Суд над прошлым — Последний бой за правое дело // http://old.grani.ru/history/articles/gpw_60years/

2 Антонов А. Коллективная вина за Вьетнам // <http://www.hro.org/editions/karta/nr3435/>.

3 www.vietnamwar.ru/forum/

БЕЛОУСОВ Игорь Иванович —

докторант Военного университета, полковник, кандидат исторических наук (Москва)

«ДАБЫ... К СЛУЖБЕ ОХОТНЫМ ЛЮДЯМ ПОДАТЬ лутчей кураж и охоту»

Проблемы военной кадровой политики России в XVIII веке в документах Российского государственного военно-исторического архива

Любая работа историка-исследователя начинается с выявления необходимых документальных источников. Наиболее успешная реконструкция событий прошлого и объяснение исторических явлений и процессов государственной кадровой политики в армии и на флоте в XVIII веке возможны только на основе тщательного исследования огромного массива документов. Автор предлагаемой читателям «Военно-исторического журнала» статьи разделяет идею Ш.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, высказанную в конце XIX столетия, важную для современных исторических исследований: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей... Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»¹.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) содержатся документы, касающиеся прямо или косвенно проблем государственной кадровой политики в армии и на флоте в XVIII веке. Так, в фонде «Канцелярия Военной коллегии» (№2) собраны многочисленные документы Главной военной канцелярии (1711—1719), Иноземного (1624—1700), Рейтарского (1649—1701), Военного (1701—1711) приказов. Канцелярия была организована в 1719 году для ведения делопроизводства Военной коллегии. Фонд состоит из 18 описей, насчитывающих 6450 единиц хранения, содержит документы, проливающие свет на многие вопросы, в том числе на организацию комплектования войск: создание, переименование и расформирование воинских частей («Табель полевой армии» 1720 г., «Генеральная табель содержания полков» 1761 г.). Ведомости, поступавшие в Военную коллегию из дивизий, полков и отдельных воинских команд, показывают численность и качество кадрового состояния войск, организацию их подготовки, состояние дисциплины. Имеются материалы следственных дел о должностных преступлениях военных кадров, занимавших высокие должности, в том числе астраханского коменданта Чирикова, саратовского коменданта Бахметева (1720). Здесь же хранятся формулярные списки, отражающие главные этапы прохождения военной службы офицерским составом, записные книги о присвоении дворянства, переписка о военной службе различных категорий военнослужащих.

Фонд №11 — «Инспекторская экспедиция Военной коллегии» имеет высочайшие указы, рескрипты, указы Сената и Военной коллегии, а также доклады, ведомости, рапорта и донесения из войск об их численности и кадровом обеспечении воинских частей и соединений полевой армии, отдельных гарнизонных команд. В этих архивных документах дана всесторонняя характеристика вооружённых сил Российской империи конца XVIII века. Также в фонде содержатся послужные, формулярные, именные и алфавитные списки военных чинов.

В фонде №16 — «Иностранная экспедиция Военной коллегии» — многочисленные алфавитные списки принятых на военную службу иностранцев. В компетенцию этой экспедиции входили кадровые назначения в вооружённые силы России иностранцев. Именно через эту экспедицию осуществлялся приём на русскую военную службу иностранных военных специалистов, а также их распределение на конкретные должности в войска, увольнение, выдача патентов на военные чины, абшитов (документы об отставке. — И.Б.) при увольнении и паспортов при отъезде в другие государства.

В фонде «Документы о найме иностранцев на русскую службу» (№495) сохранились челобитные и договора о поступлении на российскую военную службу иностранных солдат, офицеров и

генералов. Справки из Посольского приказа и Коллегии иностранных дел свидетельствуют об их социальном происхождении, патенты офицеров иностранных армий документально подтверждают их военно-профессиональную компетентность. Одними из первых документов по организации кадровой работы в вооружённых силах являются опросные листы (своеобразные социологические анкеты эпохи XVIII столетия), позволявшие командованию сделать первоначальное заключение о кандидатах, поступающих на военную службу. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ланглуа Ш.В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 49.

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

КИКНАДЗЕ Владимир Георгиевич —

ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала», кандидат военных наук, капитан 2 ранга (Москва)

техническое оснащение отечественной морской радиоэлектронной разведки в 1930—1945 гг.

С появлением в конце 1920 — начале 1930-х годов в отечественном ВМФ береговых частей радиоразведки обозначилась проблема их технического оснащения. В первую очередь это касалось обеспечения ведения радиоразведки в коротковолновом диапазоне, получившем наиболее широкое применение в ВМС иностранных государств. К этому времени и до середины 1930-х годов отечественная радиоразведка в основном располагала аппаратурой средневолнового и длинноволнового диапазонов — это были радиовещательные приёмники, выполненные по регенеративной схеме, приёмники прямого усиления, корабельные супергетеродинные приёмники, корабельные пеленгаторы как отечественного — «ПСГ-2», «Бугель», так и зарубежного производства — «Кольстер» и «Телефункен». Средства радиоэлектронной разведки (РЭР) на боевых постах питались от аккумуляторов, которые могли в любой момент выйти из строя. Разведчики остро нуждались в приборах автоматизированного приема сигналов — ондуляторах, ультракоротковолновой, звукозаписывающей, воспроизводящей аппаратуре и т.п. Для решения проблемы требовалось объединение усилий военно-морского руководства, военной разведки, научно-производственного комплекса государства.

Первые отечественные опыты проверки возможности пеленгования объектов, использующих для связи коротковолновый диапазон, начали проводиться в середине 1931 года. В испытаниях на острове Котлин участвовали представитель информационного радиоразведывательного центра Балтийского флота А.В.Стороженко¹ и начальник лаборатории распространения радиоволн

Ленинградского электрофизического института АН СССР А.Н.Щукин². На основании результатов испытаний, по указанию председателя секции связи Морского научно-технического комитета А.И.Берга³, был оформлен заказ в Центральной радиолaborатории на изготовление в 1931—1932 гг. стационарного коротковолнового радиопеленгатора «Парус-Б» (диапазон 30—100 м). Весной 1933 года опытный образец испытали на Балтийском флоте. Результаты оказались неутешительными, в серийное производство пеленгатор не поступил: было решено разрабатывать идею А.Н.Щукина о создании стационарного коротковолнового пеленгатора «Памир» с неподвижной гониометрической антенной системой.

Учитывая особые потребности ВМФ в радиоэлектронной аппаратуре, в сентябре 1932 года был сформирован Научно-исследовательский морской институт связи и телемеханики (НИМИСТ), начальником которого стал А.И.Берг. В институте были организованы лаборатории распространения радиоволн и радиопеленгаторная. Первую возглавил прервавший учебу в Военно-морской академии А.В.Стороженко, вторую — А.Н.Щукин. Обе лаборатории внесли значительный вклад в научно-техническое обеспечение отечественной военно-морской радиоразведки. Во многом благодаря их усилиям с середины 30-х годов во флотские части радиоразведки стали поступать пеленгаторы длинноволнового диапазона «Плавник», средневолнового — «Градус Б-1», «Градус Б-2», коротковолнового — «Памир», затем «Броня», а также войсковые образцы коротковолновых радиопеленгаторов «55-ПК-2», «55-ПК-3» и «55-ПК-3А»; радиоприемные устройства (РПУ) «Дозор», «Куб-4», «Куб-4М» и «Якорь». Необходимо отметить тесное взаимодействие в данном вопросе флотского и армейского руководства. Так, в феврале 1933 года начальник разведывательного управления (РУ) штаба РККА армейский комиссар 2 ранга Я.К.Берзин обратился с просьбой к начальнику Военно-морских сил РККА В.М.Орлову «направить для радиоразведки Морских сил Дальнего Востока ондуляторы пишущего приёма радиogramм и коротковолновые радиопеленгаторы, поскольку корабли японского флота ведут обширную автоматическую работу большей частью на коротких волнах». Правда, помочь дальневосточникам было просто нечем: на коротковолновые радиопеленгаторы был большой дефицит, а качество тех, которые изготавливали — «55-ПК-2», РПУ «45-ПК» и «45-ПК-1», оставляло желать лучшего. Американские же аппараты «Хаммерлунд», «RCA» и итальянские «Ансальдо» были в большом дефиците. Впрочем, не хватало и изделий, разработанных в НИМИСТе, например передвижных автомобильных радиопеленгаторных станций, состоявших из средневолнового радиопеленгатора «Градус-Б», коротковолнового «55-ПК-2» и радиопередатчика «Бухта». Вскоре появился и первый отечественный комплекс радиоразведки «Блокада-1», разработанный под руководством А.И.Берга, и включающий в себя РПУ «Дозор» (диапазон 200—2500 м), «Куб-4» (10—120 м) и другую аппаратуру.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Стороженко Александр Васильевич (1902, г.Харьков, Украина — ?) — капитан 1 ранга-инженер (10.1941). В ВМФ — с 1922. Окончил Военно-морское подготовительное училище (1922—1924), Военно-морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского (1924—1929), ускоренные курсы при Военно-дипломатической академии Советской армии (май 1930 г.). Помощник командира роты 2-го Балтийского флотского экипажа (ноябрь—декабрь 1929 г.), начальник радиопеленгаторной станции службы наблюдения и связи Морских сил Балтийского моря (1929—1931). Старший инженер, помощник начальника, начальник лаборатории, радиоузла, отдела Военно-морской академии (1931—1932). Заместитель начальника (1932—1940), начальник группы (1940—1943),

главный инженер (1943—1947), начальник отдела (1947—1948) Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики ВМС. Советник Представительства СССР в Военно-штабном комитете ООН (1946—1947). Старший уполномоченный по связи Постоянной комиссии госприемки военных кораблей при главкоме ВМС (1948—1950), заместитель начальника 3-го управления 2-го главного управления МГШ (1950—1953), помощник начальника 2-го отдела ГШ ВМС (1953—1955), помощник начальника разведки ВМФ (1955—1958), в распоряжении 2-го отдела Главного штаба ВМФ (1958—1959), в научно-исследовательской группе главкома ВМФ. С декабря 1960 года — в запасе. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды (1944), медалями.

2 Щукин Александр Николаевич (1900—1990) — советский ученый в области радиотехники и радиофизики, генерал-лейтенант-инженер (1962), академик АН СССР (1953), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1975). На военной службе в 1919—1921гг. и с 1940 г. Окончил Ленинградский электротехнический институт (1927). Участник Гражданской войны. В 1923—1928гг. — в Центральной радиолaborатории, в Ленинградском электрофизическом институте АН СССР (1928—1932), одновременно в 1933—1945гг. в Военно-морской академии, с 1940 г. — начальник кафедры. С 1945 г. — в аппарате СНК СССР, одновременно начальник кафедры Военно-морской академии кораблестроения и вооружения. С 1949 г. — заместитель начальника Главного управления Министерства ВС СССР, с 1950года — в Совете Министров СССР, с 1965-го — заместитель председателя, в 1969—1989гг. — председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Распространение радиоволн». Лауреат Ленинской премии (1957) и Государственной премии СССР (1952).

3 Берг Аксель Иванович (1893—1979) — советский военный деятель, ученый в области радиотехники и кибернетики, адмирал-инженер (1955), академик АН СССР (1946), Герой Социалистического Труда (1963). На военной службе — с 1911г., в ВМФ — с 1918 г. Окончил Военно-морскую академию (1925). Участник Первой мировой и Гражданской войн: штурман линкора и командир подводной лодки. С 1925 г. — на преподавательской работе, с 1932 — начальник НИМИСТ ВМС. В 1937 году репрессирован, освобожден в 1940 году. С 1943г. — заместитель наркома электропромышленности, заместитель председателя совета по радиолокации, начальник ЦНИИ. В 1953—1957гг. — заместитель министра обороны СССР по радиолокации. Инициатор и руководитель исследований по кибернетике.

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Белова Елена Владимировна —

заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

БАЛКАНСКИЕ ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЛУЖИЛИ УКРЕПЛЕНИЮ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ. СЕРЕДИНА XVIII ВЕКА

Со второй половины XVIII века для России начался новый этап в укреплении её могущества. На первый план выступили широкомасштабные задачи по освоению приграничной полосы в Северном Причерноморье, подчинение запорожских казаков центральной власти и заселение этого региона антитурецки настроенным элементом¹. В первую очередь российское правительство хотело вернуть себе те земли, которые поляки в нарушении трактата 1739 года заняли и заселили беглыми крестьянами из России². Также предполагалось заложить на границе с Турцией и Южной Украиной земляную крепость под названием Святая Елизавета³. Требовалось более четко определиться и с территориями, контролируруемыми Запорожской Сечью, так называемыми Вольностями Войска Запорожского. Располагавшиеся на западе от реки Синюхи и на востоке до реки Кальмиус, они, хотя в конце XVII века и перешли под юрисдикцию России, фактически оставались самоуправляемыми.

Вопрос о том, кто будет охранять приграничные территории от нападения турок, крымских и буджакских татар, стоял очень остро. Российскому правительству необходимо было решить представителями каких народностей заселять новые земли, поскольку внутренняя миграция не решала насущных задач по их освоению. Тогда-то и возникло решение поселить в Новороссии военных колонистов из числа сербов, молдаван, валахов с целью заселения районов, примыкавших к границе с Османской империей и запорожскими землями. Исходило это решение из уже известных петербургскому двору фактов о демилитаризации австрийским правительством пограничного участка в Среднем Подунавье, где роль гранычар выполняли сербы⁴.

На тот период сербское население, живя в пределах империи Габсбургов, не имело компактной территории проживания. Большая часть переселенцев, спасаясь от османского гнета, осела в южных районах Венгерского королевства, которое находилось под юрисдикцией Вены. В 1750 году сербы Т.Воич, Д.Перич и П.Текелия от имени российского правительства совершили поездку по австрийским территориям, агитируя славянское население, которое ранее перешло из Турции в Австро-Венгрию, эмигрировать в Россию. Российское правительство посчитало, что славянская колонизация будет иметь не только военно-стратегическое, но и политическое значение, так как усилит симпатии к России христианских подданных Турции. Поэтому русское командование от имени императрицы Елизаветы Петровны распространило манифест в империи Габсбургов, по которому приглашались «единоверные христианские народы» на поселение в Россию⁵. Обещались богатые земельные пожалования, повышение по военной службе, высокие должностные оклады и различные привилегии. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Цвиркун В.И. Переселение из Юго-Восточной Европы в Россию в XVIII в. (вопросы периодизации) // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 57; Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 29.

2 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. Сношения России с Турцией. 1752—1756. Оп. 89/1. Д. 8. Л. 34.

3 Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 13. П. 9924. С. 581—585; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 144, 145.

4 Лещиловская И.И. Сербы в России // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С.283.

5 Семенова И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. 2. С.324.

Лапенко Евгений Владимирович —

аспирант исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания)

СОЗДАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В XIX ВЕКЕ

В конце 20-х годов XIX столетия перед Россией встала проблема закрепления территорий Северо-Западного Кавказа, полученных ею в результате победоносной очередной войны с Турцией. По условиям Адрианопольского мирного договора (сентябрь 1829г.) под российскую юрисдикцию перешло восточное побережье Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая (в районе Поти). Однако вся территория, расположенная к югу от Кубани, оставалась фактически неподконтрольной Петербургу. Населявшие эти земли адыгские племена (натухайцы, абадзехи, шапсуги и др.), известные под общим наименованием «черкесы», не считали себя подданными России и, ориентируясь политически и идеологически на Турцию, были готовы с оружием в руках отстаивать эту ориентацию. Процесс их усмирения растянулся на несколько десятилетий и явился составной частью так называемой Кавказской войны (1817—1864 гг.).

Задача «умиротворения» закубанцев для России сильно осложнялась сохранявшимися торгово-политическими связями адыгов с Турцией, а также наличием у последней серьезных реваншистских настроений. Несмотря на своё поражение, Османская империя стремилась к возвращению Западного Кавказа и была готова негласно поддерживать антирусскую борьбу черкесов. С этой целью она использовала издавна существовавшие на восточном побережье Черного моря торговые связи с закубанцами. Основным предметом этой торговли была поставка невольников из Черкесии на турецкие рынки, взамен чего адыгам доставлялись оружие, порох, свинец, соль и некоторые другие товары. Помимо экономических выгод подобный «товарообмен» использовался Турцией в качестве инструмента политического влияния на адыгские племена. Прибывавшие в Черкесию турецкие купцы и эмиссары наряду с торговыми операциями занимались подрывной деятельностью, убеждая местное население в скором восстановлении в их местах власти Турции.

Российскому правительству, судя по историческим документам, было хорошо известно, что через Суджук-Кале (Новороссийск) и Геленджик «черкесы получают продукты, необходимые для жизни,

и припасы для войны, сбывают пленных русских и всего Кавказа в Анатолию и Константинополь» и что «купцы турецкие... уверяют черкесов, что они перейдут под покровительство Порты и что султан об этом старается и просит их сохранить к нему преданность»¹. Помимо того, что такое положение вещей России, разумеется, абсолютно не устраивало, ее вынуждала поставить побережье Черного моря под свой военно-административный контроль ещё и другая, более весомая причина: населенный воинственными и недружественными России племенами регион был чрезвычайно уязвим для иностранного вторжения или влияния именно с морского направления. Поэтому российские власти, стремившиеся к обеспечению безопасности южных границ и проводившие в этой связи активную политику по присоединению к империи Северного Кавказа, рассматривали изоляцию Черкесии от внешнего мира как одну из приоритетных задач.
<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1878. Т. VII. С. 910.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Носкова Элеонора Андреевна —

старший научный сотрудник отдела фондов Керченского историко-культурного заповедника (г.Керчь, Украина)

КЕРЧЕНСКИЕ ВОЕННЫЕ ХРАМЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

В русской регулярной армии создавались необходимые условия для удовлетворения духовных потребностей православного воинства. В этом состояло главное назначение военного духовенства. К концу XIX века в ведении протопресвитера военного и морского духовенства значились более 400 церквей, в том числе 12 крепостных¹. Храмы военного духовенства были и в крепости Керчь, построенной в 1857—1877 гг. на мысах Павловский и Ак-Бурун в Керченском проливе. «Военно-исторический журнала» в №5 — 2006г. уже публиковал материал об истории строительства крепости Керчь.

В конце 1880-х годов «для проезда в неё были введены пропускные билеты, выдаваемые комендантом, и посещение крепости горожанами значительно сократилось...»². Введённый режим секретности более ста лет скрывал внутреннее устройство крепости от посторонних глаз.

Только в 2003 году, после передачи военными уцелевших крепостных сооружений Керченскому историко-культурному заповеднику стало возможным исследование уникального памятника фортификации. Выяснилось, что у северного основания мыса Ак-Бурун в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века находились походные церкви, освященные в честь Казанской иконы Божией Матери (Минского полка) и святителя Николая Чудотворца (Литовского полка). Предположительно там же находилась еще одна походная церковь в честь Св. Николая Чудотворца (Виленского полка). Походная (при полку) церковь всегда находилась с частью в походе и в сражении, например, церковь Казанской иконы Божией Матери была с Минским полком в Севастополе в 1854—1855 гг.³

Первая каменная церковь в Керченских укреплениях была построена в 1863 году. Эта «полковая церковь арочной системы»⁴, увенчанная шестиконечным металлическим крестом, предназначалась для Литовского пехотного полка. В плане церковь представляла прямоугольник со сторонами до 10 метров, высота достигала 6 метров, имелись два входа, глубина фундамента около 1 метра. На «Генеральном плане Павловского и Ак-Бурунского мысов с окружающей местностью и с означением на нем проекта сухопутных и приморских укреплений» она показана в люнете Виленского полка⁵. Отчетный документ строителей храма утвержден Техническим комитетом Главного инженерного управления 28 октября 1868 года⁶.

Полковая церковь Литовского полка Св. Николая Чудотворца (храмовый праздник 6 декабря по старому стилю) берет свое начало со времени формирования полка в 1811 году; она была с ним при взятии Дарго в 1845 году (на Кавказе) и в сражении при р. Чолоке 4 июня 1854 года⁷. В Керченских укреплениях, в полковой церкви Литовского полка, с 1863 года служил полковой священник протоиерей Тимофей Андреевич Ковальский⁸.

Для солдат Минского полка⁹ была устроена церковь в здании артиллерийского склада оружия. В списке 1890 года недвижимых военных соборов и церквей ведомства протопресвитера она значится как Керченская Покрова Пресвятыя Богородицы в крепости Керчь. Возле здания церкви находилась звонница на каменных столбах. Церковь располагала двумя «сребро-позлащенными Евангелиями», 1698 и 1703 года издания, четырьмя крестами с частицами мощей Святых Угодников (один из них — на престольный, 1705 г.). В убранстве церкви выделялись иконы Покрова Пресвятыя Богородицы и Спасителя. Сребро-позлащенная риза иконы Покрова Богородицы была унизана жемчугом и алмазами. В церкви могли разместиться около 400 человек. Возле нее был похоронен умерший 24 ноября 1914 года священник Керченской крепостной церкви Василий Викторович Громцев. Военные заботились о своей церкви. Например, в 1914 году офицеры и классные чины пожертвовали Керченской крепостной церкви облачения на аналои и шесть бархатных ковров общей стоимостью 252 рубля. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А.Ефрона, 1892. Т. VIа. С. 846.

2 Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк. Керчь, 1894. С. 68.

- 3 Гренадерские и пехотные полки / Под. ред. В.К.Шенка. СПб., 1909. С. 93.
- 4 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп. 18. Д. 409.
- 5 Там же. Д. 446.
- 6 Там же. Д. 409.
- 7 Гренадерские и пехотные полки... С. 94.
- 8 Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1863 год. Керчь, 1863. С. 152.
- 9 Архив Керченского историко-культурного заповедника (КИКЗ). Оп. 1. Ед. хр. 498. Л. 17.

Воейков Евгений Владимирович —

доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института, кандидат исторических наук (г.Пенза)

КРАСНАЯ АРМИЯ В БОРЬБЕ С ТОПЛИВНЫМ КРИЗИСОМ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ. 1919—1921 ГГ.

В годы Первой мировой войны в России особо важным стал топливный вопрос, вызванный сложностями в работе транспорта и нехваткой рабочих рук. Перебои в снабжении топливом промышленности и населения, начавшиеся в 1915 году, после Октябрьской революции приобрели системный характер. Страну, вернее часть её территории, занятую красными, охватил острый топливный кризис. Так, в Среднем Поволжье на грани остановки оказались промышленные предприятия и железные дороги, проходившие по территории Казанской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерний, усугубилась эпидемическая обстановка. В частности, в Симбирской губернии число заболеваний сыпным тифом с 2тысяч случаев в 1918 году увеличилось до 40 тысяч в 1919 году¹.

Основными заготовителями древесного топлива в 1919—1920 гг. были губернские и железнодорожные лесные комитеты (гублескомы и желескомы) и промышленные предприятия, добычей торфа ведали губернские торфяные комитеты (губторфкомы). Однако отдача от их деятельности была невелика: население отказывалось практически безвозмездно работать на лесозаготовках и торфоразработках. Введенная в 1919 году трудовая, так называемая топливная, повинность позволила частично решить проблему недостатка рабочих рук, но производительность труда людей, насильно привлеченных к заготовке и перевозке в тяжелейших условиях дров и торфа, находилась на очень низком уровне².

Говоря об участии военнослужащих РККА в борьбе с топливным кризисом, надо сказать, что сначала красноармейские отряды выполняли лишь полицейские функции, обеспечивая привлечение к работам лиц, уклонявшихся от топливной трудовинности³, затем и сами стали

использоваться на заготовке топлива. Руководили этим на местах губернные военно-инженерные дистанции (губвиды).

На территории Среднего Поволжья действовали шесть лесозаготовительных военно-трудовых дружин (ВТД), основной задачей которых являлась заготовка древесного топлива. По месту формирования и дислокации дружины получили наименования: № 29 нижегородская, № 30 пензенская, № 31 и № 32 казанские, № 33 и № 34 симбирские. Они формировались в течение июля—сентября 1920 года, численность личного состава отдельных дружин колебалась в разные периоды от нескольких сотен до 1,3—2,8 тысяч человек. К началу 1921 года наибольшее количество красноармейцев ВТД работало в Казанских дружинах (4,2 тысячи). Примерно 2,2 тысячи красноармейцев ВТД находилось на территории Симбирской губернии. Интересно отметить, что с учетом находившихся на лесозаготовках трудармейцев, общее количество занятых заготовкой дров военнослужащих к началу 1921 года достигло в Симбирской губернии 11 тысяч, что было сопоставимо с довоенным количеством рабочих в наиболее развитой здесь суконной промышленности.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала»

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Десять лет хозяйственного и культурного строительства в Ульяновской губернии / Сост. В. Алексеев, М. Панов. Ульяновск: Издание губисполкома, 1927. С. 33.

2 См.: Третий губернский съезд совнархозов. Доклад по топливному делу // Знамя труда. Орган Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Казани и губернского комитета РКП(б). 1920. 12 июня.

3 Уполномоченный представитель по топливу Московско—Казанской железной дороги в апреле 1920 г. писал в докладе о принудительной дровозаготовке на территории Пензенской и Симбирской губерний, что людей выгоняют на работы при помощи воинской силы. В начале 1921 г., когда произошло резкое обострение топливного кризиса, военные части применялись для принудительного направления населения на лесозаготовки в Керенском (город Керенск переименован в 1940 г. в Вадинск, райцентр в современной Пензенской области), Мокшанском, Нижнеломовском, Рузаевском (Рузаевка — уездный город Пензенской губернии; в настоящее время — райцентр в Мордовии) уездах Пензенской губернии. См.: Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 933. Л. 4, 5, 19, 32, 43, 51 об., 56, 120—123, 165, 140, 266.

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

Соснина Екатерина Леонидовна —

доцент Пятигорского государственного технологического университета, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.Ю.Лермонтова в г.Пятигорске, кандидат исторических наук (г.Лермонтов, Ставропольский край)

МОГ ЛИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВ УЧАСТВОВАТЬ В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ?

Осмысливая военную судьбу М.Ю.Лермонтова, отразившуюся во многих его произведениях, прежде всего в романе «Герой нашего времени», нельзя не коснуться проблемы Кавказской войны 1817—1864гг., активным участником которой был поэт. До сих пор, например, у исследователей этой проблемы нет единого мнения о том, чем занимались иностранцы (французы, голландцы, англичане), в кавказском регионе в то время, когда здесь шли продолжительные и кровопролитные военные действия. Два иностранца, имена которых давно и прочно вошли в биографию М.Ю.Лермонтова, вызывают особый интерес. Это французский геолог Ксавье Оммер де Гелль и голландский консул в Одессе Тейтбу де Мариньи. Оба эти лица, по оценке французского правительства, оказали неоценимые услуги европейцам при ведении Крымской войны (1853—1856гг.). Какие именно, ещё предстоит осмыслить.

Интерес Франции к положению на Кавказе достаточно чётко сформулировал К.Оммер де Гелль в своём трёхтомном труде, посвящённом описанию его геологической экспедиции, предпринятой в этот регион в 40-х годах XIXвека. «Понятно, — пишет он, — с каким ревнивым недоверием должна смотреть Англия на движение русских за Кавказом и насколько она заинтересована в том, чтобы воспрепятствовать любому завоеванию, способному закрыть для неё большую торговую дорогу, которую она открыла себе через Эрзрум и Тавриз. Поэтому она не сможет быть индифферентной к независимости Кавказа, который, служа защитой границ Персии и Турции, помогает ещё... торговым операциям трапезундского рынка. Может быть, скажут, что это чисто английский вопрос, очень важный для фабрикантов Лондона и Манчестера, но имеющий очень посредственный интерес для Франции. Но там, где наши соседи находят возможность ежегодно помещать более чем на пятьдесят миллионов промышленных товаров, нам кажется, что там тоже затронуты наши политические и экономические интересы»¹.

Совершенно недвусмысленная цитата, в которой ясно сформулированы причины достаточно длительного пребывания (с 1839 по 1841г.) французского геолога на Юге России. Вероятно, всё те же «политические и экономические интересы» привели сюда и голландского (в некоторых источниках французского)² консула в Одессе — Тейтбу де Мариньи. К.Оммер де Гелль открыл железную руду на берегах Днепра, за что был удостоен высокой российской награды — ордена Владимира 1 степени, а также выполнил нивелировку долины Маныча. В то же время, занимаясь геологическими изысканиями, он составил топографическую картину Кавказа — края, о котором, по его же собственным словам, во Франции на рубеже XVIII—XIXвв. было известно лишь то, что он находится южнее Северного Ледовитого океана. ДеМариньи же скрупулёзно изучал берега Черноморского побережья, опубликовал по результатам своей деятельности несколько работ³. В этом, видимо, и выразилась та неоценимая услуга, которая была оказана упомянутыми европейскими путешественниками французам в Крымскую войну.

Кстати, оба имени — и К.Оммер де Гелль, и Т.деМариньи получили в России достаточно широкую известность благодаря курьёзу, связанному с литературной мистификацией П.П.Вяземского

«М.Ю.Лермонтов и г-жа Оммер де Гелль в 1840году», впервые появившейся в «Русском Архиве» в 1887году⁴. История этой мистификации достаточно хорошо известна. Найденные в 30-х годах XXвека в Остафьевском архиве черновики П.П.Вяземского были приняты советскими исследователями за подлинный материал и опубликованы издательством «Academia» с предисловием и комментариями М.Чистяковой⁵. Следом шло «разоблачение фальсифицированных материалов»⁶. Затем проблему попытались «закрыть»⁷. Однако вопрос о подлинной канве всей этой истории окончательно не решён и по сей день, как и об истории возникновения и адресатах французских стихов М.Ю.Лермонтова и Адель Оммер де Гелль (супруги Ксавье — поэтессы и писательницы, роман которой с русским поэтом упоминается в мистификации П.П.Вяземского).

В статье П.С.Попова, опубликованной в «Литературном наследстве», сказано: «Весь эпизод знакомства поэта Лермонтова с французской поэтессой, а равно и стихотворение Лермонтова, посвящённое Оммер де Гелль, является чистой выдумкой... Главный аргумент в пользу этого заключается в том, что Оммер де Гелль была на Кавказе не в 1840году, а в 1839г., между тем как в 1839г. Лермонтова на Кавказе не было вовсе»⁸. В подтверждение собственных доказательств П.С.Попов приводит дату под стихами А.Оммер де Гелль, адресованными семейству астраханского губернатора А.М.Фадеева, а также письмо, написанное её мужем А.М.Фадееву. К этому можно также добавить материалы, найденные в Ставропольском архиве С.И.Недумовым и касающиеся пребывания четы де Гелль на юге России и тоже датированные 1839годом⁹. Однако сегодня мы готовы обоснованно опровергнуть этот так называемый главный аргумент. Дело в том, что в дневниках известного учёного К.М.Бэра содержится описание его экспедиции по следам К.Оммера де Гелля в 50-х годах XIXвека, когда ещё были живы люди, помнящие французского геолога не понаслышке¹⁰. В этом документе скрупулёзно отмечено, когда именно были выполнены господином К.Оммером де Геллем те или иные геологические изыскания. Согласно дневникам Бэра, французский учёный и «его красавица жена» оставались на юге России с 1839 по 1841год.

Таким образом, мистификация П.П.Вяземского строится на определённой фактологической основе. Это вообще достаточно своеобразное сочинение, где реальный факт из биографии поэта, известный автору мистификации, как бы отражается в сознании последнего, обрастая не существовавшими в действительности подробностями. Имеет также место искажение дат и места действия.

Так, например, в тетради Толя (архив Якушкиных) сохранился рассказ: «Безобразов, дивизионный генерал, рассказывал о Лермонтове, что госпожа Х. очень желала, чтобы говорили, что он влюблён в неё. Однажды он сидел у неё: она вышивала в пальцах у открытого на бульвар окна. Гуляющих на бульваре было много. Вдруг послышались в соседней комнате шаги мужа госпожи Х. Лермонтов схватил фуражку и выскочил из окна.

— *Qu'est-ce que vous faites?* (Что вы делаете?) — воскликнула удивлённая Х.

— *Je me sauve de m-r votre mari.* (Я спасаюсь от Вашего мужа), — отвечал Лермонтов»¹¹.

Подобная сцена использована в мистификации П.П.Вяземского, где происходящее связано с именем Адель Оммер де Гелль (письмо №122, запись: Ялта, четверг, 29октября 1840г.): «...Я ехала с Лермонтовым, по смерти Пушкина, величайшим поэтом России. Я так увлеклась порывами его красноречия, что мы отставали от нашей кавалькады. Противный дождик настиг нас в прекрасной роще, называемой по-татарски Кучук-Ламбат.

Мы приютились в биллиардном павильоне... Затаившись... мы спокойно смотрели, как нас искали по роще... когда люди стали приближаться к павильону, Лермонтов вдруг вскрикнул: "Они нас захватят! Ай, ай, ваш муж! Скройтесь живо под биллиардом! И, выпрыгнув в окно в виду собравшихся людей, сел на лошадь и усакал из лесу..."»¹².

Рассказ С.Д.Безобразова (1801—1879) относится к последним дням жизни поэта в Пятигорске, а в мистификации дело происходит в Крыму.

Удивляет также то, что генералитет русской армии на Кавказе был в курсе любовных интрижек поэта и даже занимался их пересказом первым биографам Лермонтова. Не были ли эти рассказы лишь прикрытием, объяснением подлинной причины, почему Лермонтов должен был посетить Черноморское побережье один или несколько раз? Вспомним тот интерес, который испытывал Печорин к ночным передвижениям «честных контрабандистов» в Тамани, где сам поэт побывал в 1837 году. Да и что привело контрабандистов в такое сильное волнение, что героя повести Лермонтова чуть не утопили? Каким должен быть в таком случае контрабандный товар?

Версия о том, что контрабандисты Тамани тайно доставляли горцам оружие, была высказана И.Л.Андрониковым¹³. Исследователь даже предполагал, что «честными» они названы Лермонтовым в романе потому, что оружие (честная контрабанда) помогало в борьбе за независимость и честь свободолюбивых народов Кавказа с царским самодержавием.

С таким пониманием не согласен Б.С.Виноградов, который писал: «Участникам Кавказской войны было известно о том, что горцы снабжались оружием из Турции и Персии, вернее, через них. Знаменитый русский хирург Н.И.Пирогов, приехав на Кавказ в 1847г., столкнулся с ужасными огнестрельными ранениями, произведёнными оружием горцев. Пирогов писал, что пушки горцев "большей частью турецкие или персидские"»¹⁴. Но мог ли Лермонтов одобрительно относиться к вмешательству других держав в Кавказскую войну. Мог ли он одобрять действия тех, кто помогал этому вмешательству?¹⁵ Однако со стороны поэта нет никакого одобрения. Печорин так же, как и автор романа, оказавшись в Тамани, выследил контрабандистов и спугнул их. Мог ли М.Ю.Лермонтов участвовать в подобных разведывательных операциях? Вопрос риторический, так как подобные миссии не могли подкрепляться никакими документами.

Вернёмся к вопросу об оружии горцев. Один из современников М.Ю.Лермонтова — В.А.Бельгард вспоминал: «...наше оружие было ужасно плохо. Это были гладкоствольные кремневые ружья, которыми стрелять далее чем на сто шагов было бесполезно, между тем горцы были вооружены винтовками, бившими более чем вдвое дальше»¹⁶. Ясно, что они могли получать оружие иностранного производства только контрабандным путём. В связи с этим интересно вспомнить эпизод из мистификации П.П.Вяземского, где он описывает встречу супругов Оммер де Гелль с Т.де Мариньи в Крыму осенью 1840 года. В этом отрывке прямо говорится о том, что Т.де Мариньи доставлял на своей яхте оружие горцам.

Если допустить, что Т.де Мариньи действительно имел подобную цель поездки, какова роль супругов Оммер де Гелль во всей этой истории? В своей книге «Путешествие по Прикаспийским степям и Югу России» (Париж, 1860г.) Адель Оммер де Гелль неоднократно упоминает имя Т.де Мариньи, причём как давнего знакомого. Учитывая это обстоятельство, И.Опишня в своей статье «Лермонтов и Оммер де Гелль», опубликованной в 50-х годах XX века в Париже¹⁷, писал: «В этом случае весь эпизод принимает совершенно неожиданный характер и становится ясным, почему столь яростно отрицается возможность знакомства Лермонтова с Оммер де Гелль. Даже через сто лет неохотно открывают "дипломатические тайны"». Далее И.Опишня сообщает, что один из

зарубежных лермонтоведов, человек вполне положительный и серьёзный, выдвинул следующее предположение: Оммер де Гелль действительно была на Кавказских водах, пока её муж «обследовал» берега Чёрного моря. М.Ю.Лермонтов на самом деле за ней ухаживал, но по приказанию свыше должен был и следить за прекрасной француженкой и постараться выяснить роль и задачи этой четы и, вероятно, и Тейтбу де Мариньи. После отъезда их в Крым (где через десять лет начались военные действия союзников против России), Лермонтов получает секретную командировку туда же, для того чтобы раскрыть настоящие намерения таинственных иностранцев. Выполнив это задание, М.Ю.Лермонтов, «странствующий офицер с подорожной по казённой надобности», возвращается в действующую армию на Кавказ.

Следовательно, поездка М.Ю.Лермонтова в Крым была не самовольной отлучкой, а секретной командировкой, поэтому никаких следов в полковых записях и не осталось. И хотя И.Опишня не называет имени исследователя, на чьё мнение ссылается, сегодня мы можем определённо с ним согласиться в том, что Оммер де Гелль действительно была на Кавказских Минеральных Водах в те годы (1840, 1841), когда там находился М.Ю.Лермонтов.

Что же касается поездки поэта в Крым в 1840 году, здесь среди лермонтоведов нет единого мнения по сей день. Например, один из солиднейших исследователей кавказской биографии М.Ю.Лермонтова — Л.П.Семёнов был убеждён в возможности этой поездки¹⁸. То же допускал и И.И.Тхоржевский, имевший, по его словам, сведения от родственников поэта — Арсеньевых¹⁹.

Подобное предположение, по нашему мнению, имеет право на существование. Тем более что факт поездки М.Ю.Лермонтова в Крым, правда «самовольной», подтверждается воспоминаниями генерала от инфантерии фон Майделя, который рассказывал первому биографу поэта о том, что будто бы тот признавался ему в своём увлечении женой французского геолога и в готовности ехать за ней хоть на край света, чтобы несколько часов побыть вместе²⁰. Однако трудно представить себе подобный разговор «по душам» между поручиком и генералом. Нигде нет и следов, подтверждающих факт самовольной отлучки М.Ю.Лермонтова из действующей армии. Поездка с Кавказа в Крым и обратно, тем более поздней осенью, на лошадях, заняла бы тогда 8—10 дней! Начальство, конечно же, заметило бы столь длительное отсутствие офицера. Таким образом, скорее всего, предположение о поездке в Крым тайно, без разрешения начальства, не соответствует действительности. Но М.Ю.Лермонтов мог быть послан туда со специальным заданием. Об этом говорит и осведомлённость Майделя, который, конечно, не стал раскрывать первому биографу поэта тайны военной дипломатии. Ему проще было сослаться на личные мотивы, которыми руководствовался М.Ю.Лермонтов, тем более что, по-видимому, взаимная симпатия у обоих поэтов была и дала пищу всякого рода толкам.

В связи с вышеизложенным более понятной становится роль П.П.Вяземского, которому жанр литературной мистификации потребовался для того, чтобы донести как «деятелю эпохи» исторические факты биографии великого М.Ю.Лермонтова, не будучи обвинённым в разглашении политических и военных тайн своего времени. Литературная мистификация — она и есть литературная мистификация.

Однако для современных исследователей представляется перспективным предпринять архивные изыскания в отношении Т.де Мариньи и К.Оммера де Гелля, выяснить ту роль, которую они играли во время Кавказской, а позже и Крымской войны.

Мы только предприняли первые шаги в этом направлении. В кабинете эстампов Национальной библиотеки Франции мы обнаружили рисунки К.Оммера де Гелля и Т.де Мариньи*, на которых

отображены события Кавказской войны, этнографические сюжеты о кавказских горцах. Это наводит на мысль, что шёл сбор сведений о Кавказе — малоизученном тогда иностранцами крае, представлявшим для западноевропейцев стратегический интерес. Обращает на себя внимание сюжет на тему торговых связей. На рисунке Т.де Мариньи «Сцена мены» мы видим сцену торгового обмена между русскими и горцами, которая происходит на фоне складских помещений, где товары проходили карантинную обработку. Присутствие на рисунке военного представителя России — пристава или чиновника — свидетельствует о стремлении российских властей к жёсткой регламентации торговли, стремлении оказывать политико-экономическое давление на «немирные племена». Изображённый сюжет отражает включение Северо-Западного Кавказа в состав единой экономической системы России.

На рисунках иностранных авторов отображены сюжеты, подтверждающие интерес западноевропейцев к изучению берегов Черноморского побережья.

В заключение ещё раз обратим внимание на необходимость продолжения исследовательской работы в российских и зарубежных военных архивах. Что же касается отношений М.Ю.Лермонтова и Адель Оммер де Гелль, возможно, что они начинались достаточно прозаично, в отличие от романтической версии, описанной в литературе²¹, что им не помешало впоследствии перерасти во взаимное увлечение, вылившееся в поэтические строки. Однако это тема отдельного исследования.

* Иллюстрации из фондов Национальной библиотеки Франции (г. Париж): Ob 120/T6, № 182814 – P.1; Cote BNF-EST Vc 347 fol.; Cote BNF-EST Vc 348 fol.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Hommaire de Hell, Xavier. Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimйe et la Russie Mйridionale. Paris, 1845. V.2. P.303, 304.

2 Опишня И. Лермонтов и Оммер де Гелль (загадка архивных материалов) // Возрождение. №56. Париж, 1956.

3 См. Например: Taitbout de Marigny. Voyage dans le pays des Tcherkesses // Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase de J.Potocki. Paris: Plon, 1952.

4 Вяземский П.П. Лермонтов и г-жа Оммер де Гелль в 1840 году // Русский Архив. 1887. № 9. С. 129—142.

5 Оммер де Гелль. Письма и записки (Вступ. статья М.Чистяковой). М.; Л., 1933.

6 Попов П.С. Мистификация (Лермонтов и Оммер де Гелль) // Новый мир. 1935. №3. С. 282—293.

7 Каплан Л. П.П.Вяземский — автор «Писем и записок» Оммер де Гелль // Литературное наследство. Т.45—46. М., 1948. С.761—767.

- 8 Попов П.С. Отклики иностранной печати на публикацию «Писем и записок» Оммер де Гелль // Литературное наследство. Т.45—46. С.767—775.
- 9 Недумов С.И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь: Кн. изд-во, 1974.
- 10 Каспийская экспедиция К.М.Бэра 1853—1857гг. Дневники и материалы / Сост. Т.А.Лукина. Л.: Наука, 1984. С. 385—548.
- 11 Соснина Е.Л. Чёрный алмаз. М., 2004. С. 188, 119.
- 12 Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.: Воскресенье, 2002. Т. 10. С. 560—565.
- 13 Андроников И. Лермонтов. Новые разыскания. М.: Советский писатель, 1948. С.142.
- 14 Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. М.: Медгиз, 1952. С.62.
- 15 Мануйлов В.А. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий. М.; Л.: Просвещение, 1966. С. 155.
- 16 Бельгард В.А. Автобиографические воспоминания // Русская старина. 1899. Кн. 2. С. 413.
- 17 Указанная в сноске 2-я статья И.Опишни не вошла в работу, составленную О.В.Миллер. См.: Библиография литературы о М.Ю.Лермонтове. Л.: Наука, 1980.
- 18 Семёнов Л.П. Новые документы о Лермонтове. Дзауджикау, 1922.
- 19 Из-за недоступности нам данных сведений сошлёмся опять на материалы, приводимые в вышеупомянутой парижской статье И.Опишни.
- 20 Мартьянов П.К. Дела и люди века. Т. II. СПб., 1893.
- 21 Пильняк Б. Штос в жизнь. Берлин: Петрополис, 1929.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Смерть Павла I

Время правления Павла I и дворцовый, вернее, военный переворот, в результате которого произошло воцарение его сына Александра I, нашли достаточно подробное освещение как в отечественной, так и в европейской исторической литературе. К этой теме не раз обращался и «Военно-исторический журнал». Тем не менее имеется еще значительный пласт историографических произведений, и прежде не доходивших до широкой читательской

аудитории, а сегодня совершенно забытых. К ним можно отнести изданное в 1909 году Московским книгоиздательским товариществом «Образование» в переводе с немецкого исследование профессоров Шимана и А.Брикнера под общим названием «Время Павла и его смерть». Основную часть книги составляет работа А.Г.Брикнера, озаглавленная в русском переводе «Смерть Павла». Автор, опираясь на устные и письменные показания современников, печатные российские и европейские источники тех лет, создал довольно чёткую картину подготовки и убийства Павла, чему, по мнению А.Брикнера, немало способствовали и спецслужбы Великобритании, стремившейся не допустить сближения России и Франции. Интересны также рассуждения автора о роли военных, прежде всего офицеров гвардии, в возведении на русский престол угодных им императоров.

Предлагая вниманию читателей работу А.Г.Брикнера, редакция посчитала нужным отказаться от некоторых авторских текстовых сносок, либо не доступных читателю и потерявших в наше время свою актуальность, либо не переведённых на русский язык, а также дать в ряде случаев свои пояснения, взяв их в квадратные скобки или указав, что данное примечание является редакционным. Что касается грамматики, она соответствует современным правилам.

А.Г. БРИКНЕР

Насильственный конец царствования императора Павла — не единичное явление в истории России. Он замыкает собою целый ряд переворотов, совершенных в XVIII веке и обнаруживающих много общих черт. В таких случаях нет и речи о какой-либо борьбе политических партий или о политической программе; претенденты, которые борются за трон и за власть, не отстаивают в большинстве случаев даже и династических прав. На первом плане стоят исключительно личные интересы.

То обстоятельство, что не было установленного порядка престолонаследия, без сомнения, способствовало неправомерным сменам правления. В любой момент несколько претендентов могли предъявить свои притязания, а их сторонники начать агитацию в их пользу. Изданные в отдельных случаях распоряжения о престолонаследии часто не приводились в исполнение. Вместо женщин и несовершеннолетних, которые царствовали только номинально, бразды правления захватывают в свои руки фавориты. Предначертения умирающих коронованных особ во многих случаях уничтожаются дворцовыми революциями. Мы напомним о нескольких таких случаях.

После смерти Петра Великого воспользовались рискованной фикцией, будто он оставил бразды правления своей супруге Екатерине. Никакого указа о престолонаследии не было, и вопрос был решён князем [А.Д.] Меншиковым и некоторыми другими лицами, которые в своих собственных интересах предоставили корону супруге императора. Кто в надлежащий момент имел в своём распоряжении армию, которая называла имя кандидата на трон, тот и имел успех. Но правила не Екатерина, а Меншиков. Ему удалось обойти незаконнорожденных дочерей императрицы и возвести на престол малолетнего Петра II [1715—1730]. Только несколько месяцев потребовалось на то, чтобы обеспечить господство князю и после смерти императрицы. Самовольно захваченная диктатура Меншикова окончилась тотчас после его ссылки в Сибирь. Вместо него и малолетнего Петра II правили короткое время Долгорукие.

По образцу Польши в России короной стали распоряжаться несколько фамилий, которые и отдали её племяннице Петра Великого курляндской герцогине Анне [Анна Иоанновна (1693—1740)]. Отчасти в целях устранения её фаворита [Э.И.]Бирона от управления государством власть императрицы должна была быть ограничена олигархической конституцией. Но последовавший переворот привел к противоположным результатам: действительным правителем страны в течение десяти лет был Бирон. Чтобы закрепить за ним власть и после смерти императрицы Анны, императором был объявлен двоюродный внук императрицы, двухмесячный Иоанн [Иван VI Антонович (1740—1764)], а Бирон назначен регентом. Через несколько недель последний пал. Номинальное правление Иоанна оказалось также кратковременным; по истечении года он был устранён переворотом Елизаветы [Елизавета Петровна (1709—1761/62)]. В конце царствования Елизаветы поднимался, по-видимому, вопрос о кандидатуре Петра Голштинского [Петр III Федорович (1728—1762)] на русский престол. Если бы исполнилось желание императрицы, и корона перешла бы к её малолетнему двоюродному внуку Павлу, то его, без сомнения, постигла бы такая же участь, как и несчастных брауншвейгцев: Иоанна, его родителей и сестёр. Царствование Петра III было также только короткой интермедией. Он был свергнут своей супругой Екатериной III [1729—1796]. Наследником престола считался Павел [1754—1801]. Нужно думать, что его мать в последние годы своей жизни хотела лишиться его короны и оставить её своему внуку Александру. Но её планы не удались, и на престол вступил Павел, утаив, может быть, завещание Екатерины. Но если она считала Павла неспособным к управлению государством, то злополучное четырёхлетнее царствование этого императора вполне подтвердило мнение гениальной императрицы. Её воля была, однако, выполнена, и Павел устранён от престола; её завещание вступило в силу, правда, только через четыре года и иначе, чем она предполагала. Она хотела избавить страну от бессмысленного террора правления Павла, и если бы её предначертания были выполнены, то не было бы совершено одно из самых ужасных преступлений, которые только знает история.

Не борьбой каких-либо принципов, а только своекорыстными интересами отдельных лиц вызваны были в истории России эти драмы, в которых миллионы подданных являлись только пассивными зрителями. А так как в большинстве случаев дело идёт об устранении ненавистных людей, то достаточно инициативы нескольких смельчаков, чтобы совершить переворот. И все эти устранённые от власти, заключённые в тюрьмы, изгнанные и убитые не находят никакого заступничества ни в обществе, ни среди народа вследствие пассивного отношения масс и недостатка политических и общественных организаций. Кое-где проявляются выражения симпатии или антипатии. Но какой-либо склонности к активному выступлению нет и следа. Нет и формы, в которую могли бы вылиться такие выступления. Манифестации общества очень скромны.

Только немногие являются действующими лицами в этих неожиданных и быстрых переворотах. Небольшое число заговорщиков во главе какой-нибудь части войска решает всё в течение нескольких часов. Политические учреждения не принимаются при этом во внимание. Они совершенно механически санкционируют задним числом происшедшую перемену и наравне с массами подданных преклоняются перед новой властью. Всепогоднейшее признание совершившегося факта — таков обычный порядок. Отдельные случаи несогласия, отказа от присяги или протеста без всякого труда и пощады наказываются и подавляются. Помимо этого всё спокойно. Трагедия разыгрывается без участия хора.

Часто народ совсем и не может узнать подробностей таких событий. По характеру своему эти катастрофы протекают обыкновенно за кулисами. Только случайные и отрывочные эпизоды

становятся общим достоянием. Самый факт устранения высокопоставленных особ делается известным, детали происшествия остаются во мраке. В случае заточения или ссылки влиятельных лиц не всегда узнают об их местопребывании; по поводу убийств официально оповещаются болезни как причины смерти. Соответствующие манифесты старательно затемняют и извращают обстоятельства дела. Для фантазии современников открывался широкий простор, тем более, что подобные трагедии обыкновенно разыгрываются под покровом тёмной ночи. Правда и вымысел перемешиваются в тихом шёпоте по поводу таинственных происшествий. Болтливость участников таких событий приподымает кое-где завесу тайны. Процессуальные акты застеночных судов могут нам дать понятие о том, какое высокое положение нужно было занимать, чтобы быть осведомлённым об обстоятельствах дела или даже иметь возможность судить о событии и встать в то или иное отношение к нему.

Тем не менее в общество и народ проникало достаточно сведений, чтобы призадуматься над трагизмом изменчивой судьбы. Быстро сменяя друг друга, перед глазами подданных проходили властелины, сегодня — на троне или у трона, окружённые роскошью и блеском, а завтра — на смертном одре, в темнице, в крайней бедности, на пути в холодные края Сибири.

Маленький император Иоанн Антонович должен был переменить царскую колыбель в Петербурге на каменные мешки в Холмогорах и Шлиссельбурге, не будучи в состоянии даже вспомнить о своем детстве на троне. Его родители и сёстры, воспитанные в пурпуре, томились десятки лет в тюрьме. Меншиков, Долгорукие, Бирон, [А.И.]Остерманн, [И.Э.]Миних и др[угие], которые правили судьбами России, пошли в ссылку на Дальний Восток как жалкие преступники. Иоанн был умерщвлён в тюрьме; Петр III умер насильственной смертью в Ропше через несколько дней после лишения престола; еще быстрее произошла катастрофа с Павлом. Чем меньше узнавали об обстоятельствах таких насильственных устранений, тем больше доверия приобретали всевозможные легенды об участии жертв этих дворцовых революций. Этим объясняется успех лжепретендентов, которые появлялись в большем числе, чем это обыкновенно думают. Целый ряд лиц выдают себя за вероятно замученного пытками или может быть даже казнённого сына Петра Великого царевича Алексея; десятки авантюристов присваивают себе имя Петра III; тень Иоанна встает в лице одного лжепретендента, после того как бывший император был убит своими тюремными сторожами, и т.д. В появлении и временном успехе таких обманщиков сказываются известные симпатии народа к насильственно устранённым жертвам и ещё более — недовольство существующим правительством. О каком-либо лже-Павле у нас до сих пор никаких известий не имеется.

При таком насильственном способе устранения от власти жертвы очень легко могли поплатиться не только свободой, но и жизнью. Часто высокопоставленные особы подвергались нападению и аресту во время сна, и тогда малейшее сопротивление с их стороны могло повести к применению грубой силы и убийству. Когда в 1740 году должен был быть заключён в тюрьму регент Бирон, фельдмаршал Миних, организовавший этот переворот, отдал приказ полковнику Манштейну, который ворвался в покои регента, убить последнего в случае сопротивления с его стороны. Действие разыгрывалось тогда почти так же, как во время смерти Павла. Разбуженный шумом Бирон хотел спрятаться под кровать. Когда его схватили, он стал отбиваться кулаками и укусил палец у солдата, который хотел ему заткнуть рот. Как легко при этом с регентом могло случиться то же самое, что и Павла привело к смерти. Если бы герцог брауншвейгский Антон Ульрих прибегнул к самозащите, когда на него и его семью напали во время сна в ноябре 1741 года Елизавета и её приверженцы, то дело очень легко могло бы дойти до убийства. Остерманн и Миних, арестованные в ту же ночь, были избиты прикладами, и жизнь их подвергалась опасности.

Точно так же и при такой же обстановке обошлись с дядей Петра III в 1762 году и многими другими. Такие сцены не проходят без насилия; жестокость приходится применять по необходимости. Как бы относительно ни ограничено было число заговорщиков, в их распоряжении всегда находятся вооружённые солдаты, грубая сила которых легко приводит к эксцессам.

Такие заговоры, которые иногда могут быть отмечены как коллективные преступления, часто приводят к нарушению присяги со стороны военных, участвующих в деле. Интрига отдельных лиц сопровождается чем-то вроде солдатского бунта. Чтобы свергнуть существующую власть, считающую армию своей опорой, приходится прибегать к тому же войску или к той его части, которая могла бы пойти за своим вождём, нарушая служебную присягу и играя роль слепого орудия в его руках. Солдаты, которые в таких случаях исполняют приказания своих офицеров, часто и понятия не имеют о том, что они делают и зачем, и совершенно не сознают, что совершают клятвопреступление. При столкновении обязанностей они подчиняются распоряжениям своего непосредственного начальства. Не солдаты несут моральную ответственность, хотя их и ждут жестокие кары в случае неудачи такого мятежа¹; изменниками и клятвопреступниками являются офицеры.

Во всех русских государственных переворотах гвардейские офицеры играют решающую роль. Объявляя после смерти Петра Великого Екатерину I [1684—1727] императрицей, Меншиков опирался на генерала Бутурлина и его армию, и это было первым условием успеха. Когда в 1730 году императрице Анне удалось укрепить абсолютизм и положить конец олигархическим попыткам ограничить самодержавие, то решили дело в пользу императрицы те же гвардейские офицеры своими шумными требованиями самодержавия. Содействие небольшого военного отряда, которому было поручено под искусным руководством арестовать в 1741 году регентшу Анну, обеспечило престол за принцессой Елизаветой. Для характеристики той лёгкости, с которой совершаются государственные перевороты в России, можно указать на замечание саксонского посла Пецольда, сделанное им непосредственно после восшествия на престол Елизаветы: «Все русские признают, что при помощи отряда гренадёров, погреба с водкой и нескольких мешков с деньгами можно сделать всё, что угодно»². При содействии гвардейских офицеров Екатерина II свергла с престола в 1762 году своего супруга. Были, впрочем, солдаты, которые остались верными своей присяге, принесённой императору Петру III, и готовы были бороться за него. Некоторое время можно было ожидать кровавого столкновения между различными частями войск. Но совершившийся факт восшествия на престол Екатерины и жалкое поведение Петра III уничтожили опасность. Точно так же были и в 1801 году части войск, которые вступились бы за Павла, если бы его смерть не прекратила бы вместе с тем его прав и притязаний.

Быстрота и решительность в проведении плана вместо нравственных колебаний и юридических размышлений — обычное явление в таких кризисах. Грубый солдат выступает вместо политического учреждения. Так как у государственной машины недостаёт предохранительных клапанов, то взрыв неизбежен. Чем меньше готовности выступить на защиту права и законности, тем острее протекает болезнь государственного организма. При полном безучастии подданных нет и заступничества в пользу устранимых от власти; поэтому кризисы не требуют многочисленных жертв. Сравнительно небольшое число недовольных кончают свою жизнь в застенке, и этим дело кончается. Опасность гражданской войны совершенно исключена. Неорганизованность народа мешает распространяться потрясению, которое появилось в центре. Оповещение о смене лиц принимается спокойно, и всё остается по-прежнему.

Но эта легкость, с которой инсценируются такие драмы, оказывают тем не менее деморализующее влияние. Новые властелины, которые после достигнутого успеха в свою очередь опираются на войска и приводят их к присяге, сознают ненадёжность вооружённой силы и не доверяют своим союзникам. После падения Бирона Анна Леопольдовна [1718—1746] сильно опасалась, чтобы фельдмаршал Миних, арестовавший с её согласия регента, не расправился таким же способом и с ней, и это скоро привело к падению Миниха. Вышеупомянутое замечание Пецоляда показывает, что после восшествия на престол Елизаветы считали возможным повторение таких действий хотя бы в интересах только что низложенных брауншвейгцев. Каждый такой кризис сопровождался уголовными процессами, потому что находились люди, которые готовы были последовать указанному примеру и предпринять что-нибудь подобное. Поэтому всякое новое правительство вынуждено было дебютировать террористическими мерами: так поступали регент Бирон, императрица Елизавета и даже Екатерина. Пример удачного предприятия 1762года, лёгкость низложения Петра III побудила подпоручика Мировича предпринять точно такой же шаг в интересах шлиссельбургского узника. Только ловкости было проявлено меньше в самом проведении плана. Но проект неудавшегося государственного переворота 1764 года и цель его всеми своими чертами напоминают удавшийся переворот 1762 года.

Проложив путь к трону императрице Екатерине, [Г.Г.]Орлов будто бы хвастался, что он может точно так же поступить и против неё. Такие же слова приписывают и графу [П.А.]Палену³, главному виновнику насильственного низложения Павла. Его считали способным к повторению таких переворотов. Супруга Павла [Мария Фёдоровна] была такого же мнения о нём. Александр считал своё положение ненадёжным, и его отношения к графу [Н.П.]Панину⁴ обнаруживают эти опасения. Если свергнутое правительство почувствовало вдруг у себя в боку тот самый штык, на который оно опиралось, то и сменившее его правительство могло дожить до того же самого. Всегда находились претенденты, за мнимые или действительные права которых могла вступить группа гвардейских офицеров. Почему после восшествия на престол Екатерины I не мог таким же путем быть объявлен императором Пётр II⁵? О кандидатуре Елизаветы на трон в военных кругах говорили еще в предыдущее царствование задолго до переворота 1741года. В 1749году офицер Батурин попытался сделать для Петра Голштинского то же самое, что за несколько лет перед этим группой офицеров и солдат было сделано для Елизаветы. Так как в первые годы царствования Екатерины не все верили в смерть Петра III, то ввиду этого появлялись претенденты, которые пользовались его именем и собирали вокруг себя толпы бунтовщиков. На жизнь Екатерины составлялись заговоры, чтобы помочь взойти на престол её сыну Павлу. Удавшееся низложение Павла в пользу Александра могло, вероятно, быть предпринято и для императрицы-матери Марии Фёдоровны, тем более что в первый момент после освобождения трона она, по-видимому, склонна была осуществить свои права.

Отсюда видно, что события 1801 года, изложению которых посвящена наша книга, обнаруживают поразительное сходство с различными переворотами 18века. Из сопоставления с соответствующими эпизодами предыдущих времён смерть Павла становится для нас более понятной, как патологическое явление в государственной жизни страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Когда в 1764 году подпоручик Минович сделал попытку освободить из Шлиссельбургской крепости бывшего императора Иоанна [Ивана VI Антоновича] и свергнуть с престола Екатерину II, то солдаты, которые исполняли его распоряжения, были проведены сквозь строй и сосланы на каторгу, хотя они едва ли и понять могли, в чем тут дело было. [Минович был казнён].

2 Германн. История русского государства. IV. С. 685.

3 Пален Пётр Алексеевич (1745—1826), генерал от кавалерии (1798), петербургский военный губернатор (1798—1800), граф (1799), один из руководителей заговора против Павла I. (Прим ред.)

4 Панин Никита Петрович (1770—1837), граф, дипломат, генерал-майор (1796), посланник в Берлине (с 1797), вице-канцлер (с конца 1799г.). В ноябре 1800 года Павел I, называвший Панина «римлянином», отправил его в отставку и выслал в Московскую губернию. Александр I возвратил Панина ко двору на прежний пост вице-канцлера. Однако Панин через 7 месяцев ушёл в отставку и больше нигде не служил.

5 Пётр II (1715—1730), российский император с 1727г., сын царевича Алексея Петровича, при котором фактически правил А.Д. Меншиков, затем Долгоруковы. (Прим. ред.)

(Продолжение следует)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Беляев Александр Васильевич —

заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы Ставропольского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор (г. Ставрополь)

Кадетские корпуса в годы первой мировой войны

С объявлением в августе 1914 года войны с Германией жизнь в кадетских корпусах, регламентируемая привычными правилами и документами, внешне не претерпела значительных изменений. Слушатели курсов по подготовке офицеров к воспитательной деятельности в соответствующих учебных заведениях испытывались (экзаменовались) по программе летних практических занятий: организация физической подготовки и ручного труда, оказание первой помощи в несчастных случаях и т.п. Вышел приказ о праве преподавать историю, математику, физику, русский язык, танцы, рисование в кадетских корпусах России группе выпускников университета, «выдержавших испытание пробными уроками при Главном управлении военно-учебными заведениями». В печати появились методические рекомендации по написанию сочинений, повышению грамотности, развитию самостоятельности мышления. Не прошли мимо

обучающих и обучаемых торжества по случаю юбилеев военно-исторических изданий — журнала «Вестник воспитания» (25лет) и журнала «Исторический вестник» (35лет). Обнародованы и изучены материалы, посвящённые 50-летию со дня учреждения «Педагогических курсов» при 2-й Петроградской военной гимназии. Поступило сообщение о назначении полковника И.С.Симонова «непременным членом учебно-воспитательного комитета Педагогического музея военно-учебных заведений».

Словом, всё, казалось, шло своим обычным чередом, и корпусной распорядок не нарушали даже непосредственно или косвенно вторгавшиеся в него новации: будь то вопросы статистических методов оценки качества учебно-воспитательного процесса и учебно-административной практики или изучения опыта законодательства по отношению к детям в Бельгии и организации школьной жизни в Англии.

Впрочем, последнее — не случайно, более того, показательно для внезапно возникшей военной обстановки. Именно она подсказала тему для также неожиданно вспыхнувшей полемики об освобождении отечественной школы от «немецкого засилья», переориентации её на изучение опыта английских специальных учебных заведений.

В связи с таким переосмыслением теоретических и практических ценностей для комплектования библиотек предлагались списки новых учебных пособий, научно-популярной и художественной литературы. В числе других: «Нормальная гимназия для сильных и слабых» Н.В.Тарасова; литературно-художественный журнал «Столяр»; «Фехтование на рапирах» К.И.Тарнана; «Простое руководство к переплётному мастерству»; «Сборник песен для смешанного хора»; Сборник программ и инструкций по преподаванию математики в Западной Европе; «Новые идеи в физике»; Пособие для преподавателя рисования в кадетском корпусе; книга «Российский императорский флот».

Во внеучебной работе рекомендовалось ознакомливать кадет с историей корпуса и давними традициями, с жизнью и деятельностью его выдающихся питомцев, пропагандировать реликвии корпусного музея и проводить экскурсии в другие ему подобные, например, в музей императора Александра III в Москве. При этом отмечалась важность индивидуального подхода, а также свободного времени, «чтобы кадеты могли проводить его согласно своим индивидуальным склонностям и таким образом постепенно образовывать из себя определенную единичную, а не стадную только личность»¹.

Внимательно изучались и горячо обсуждались статьи, посвящённые скаутам, внешкольному воспитанию юношества во Франции, школьному опыту Англии, созданию фонда помощи учителям, пострадавшим от войны, и т.п., печатавшиеся в издаваемом военным ведомством «Педагогическом сборнике». Например, такие публикации: очерк Е.Поселянина «Светлой памяти братьев Панаевых» — выпускников II Императорского имени Петра Великого кадетского корпуса, геройски погибших на фронте; воспоминания А.Д.Бутовского о годах учения в Петровском — Полтавском кадетском корпусе; «Записки» Н.Х.Весселя — первого редактора журнала «Педагогический сборник» (1864—1882гг.).

В списках рекомендуемой в 1915 году литературы для чтения значительное место военным ведомством уделялось патриотической тематике: «Галиция — исконное достояние России» А.В.Белгородского, «Слава Царь-града» К.Успенского, «Повести из современной офицерской жизни» А.Бутовского, «В гостях у бойскаутов» О.Пантюхова, «Современный учитель молодых солдат пехоты» В.Александрова, «Беседы о воинском воспитании» полковника В.Бацова. Громкий

резонанс и соответствующий отклик получили обнародованные в прессе письма из Муравьёва-Амурского кадетского корпуса с просьбой к выпускникам присылать фотографии, документы, реликвии, описания подвигов и смерти бывших воспитанников для увековечивания в истории корпуса, а также записки профессора Московского университета К.Д.Кавелина о преподавании в корпусах «Законоведения», Н.П.Кадыпа о половом воспитании, А.П.Флёрова об опыте преподавания словесности.

Да, внешне, судя по этим и другим моментам, как будто ничего не изменилось в кадетском и преподавательском обиходе, в жизни российского общества. И все же война вошла в каждую семью, в школу, в сознание и сердце каждого гимназиста, кадета, юнкера. Вместе с нарушением повседневного уклада мирного времени происходили глубокие изменения в сознании и духовной жизни людей, обнажая в первую очередь нравственное состояние общества. В военное время уровень этого состояния особенно ярко проявился в отношении государственной власти и социальных институтов, родителей и вообще взрослых людей к детям, к их образованию и воспитанию. О характере и морально-этических основах такого воздействия достаточно отчётливые, как думается, представления можно получить, исследуя накопившийся за годы той войны опыт патриотического воспитания в кадетских корпусах.

Уже в первые месяцы военного лихолетья педагогический процесс в военно-учебных заведениях для подростков и юношей школьного возраста стал претерпевать серьёзные изменения. Прежде всего, это выражалось в переосмыслении педагогическими коллективами, руководством Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) места и роли патриотического воспитания кадет в новых условиях. Упор делался на усиление морально-психологической подготовки воспитанников к перенесению трудностей военного времени, что в свою очередь потребовало активного вовлечения учащихся в деятельную причастность к происходящим рядом с ними событиям.

Многое зависело и от личного вклада каждого преподавателя, каждого строевого командира, не говоря уже об отношении к воспитательному процессу ответственных лиц с высокими государственными полномочиями. Так, ещё в предвоенные годы значительную роль в этом деле сыграл великий князь Константин Константинович, руководивший военно-учебными заведениями с 1900 по 1910год. Благодаря его усилиям в кадетских корпусах был уничтожен казённо-казарменный дух, созданы условия для возрождения гуманных отношений между воспитателями и кадетами. Под его надзором здесь утверждались принципы уважения личности педагога и воспитанника, культивировались такие нравственные ценности, как честь, достоинство, ответственность, долг. Среди подчинённых ему воспитателей военного юношества и воспитанников великий князь не только пользовался заслуженным авторитетом главного начальника, затем генерал-инспектора, но и слыл мудрым педагогом, чутким и заботливым старшим наставником.

В конце сентября 1914 года в лихой кавалерийской атаке был смертельно ранен сын Константина Константиновича князь Олег, в недавнем прошлом воспитанник Полоцкого кадетского корпуса. В госпитале, жестоко страдая, он, дождавшись приезда родителей, спустя 20минут после встречи с ними умер.

Не выдержало горя и сердце отца: 2 июня (ст.стиль) 1915года Константин Константинович скончался². «Все осознают, — отмечалось в некрологе по поводу его кончины, — что потеряли не только просвещённого, благожелательного начальника и руководителя, но и в высшей степени преданного своему делу педагога, исполнявшего свои многотрудные обязанности не по одному лишь сознанию долга, а по чувству искренней любви к питомцам наших учебных заведений. Эта

трогательная, отеческая любовь проявлялась в каждом его ласковом слове, в каждой шутке, с которой он так часто обращался к кадетам и служащим, в каждом его распоряжении... Все должны признать, что для каждого военного педагога, для каждого кадета и юнкера годы управления Великого Князя останутся самыми светлыми воспоминаниями во всей их дальнейшей службе»³.

В своих педагогических воззрениях шеф российских кадет решающее значение придавал роли личности в воспитании. Часто посещая даже самые отдалённые от столицы учебные заведения, великий князь старался сблизиться с жизнью юношей и подростков: присутствовал на подъёме, шёл с кадетами на утреннюю молитву, посещал уроки и внеклассные занятия, вместе с воспитанниками завтракал и обедал, задушевно беседовал с ними в свободное время, слушал их музыку и пение⁴.

Одним из главных заветов, оставленных мудрым педагогом воспитанникам кадетских корпусов, являлся его призыв к неустанному труду. «Потребностью всей жизни, — указывал он, — должен быть труд... Начала её должны быть заложены в школе»⁵. В стихотворении «Кадету», написанном рукою великого князя Константина Константиновича, есть такие строки: «Подвиги и славные дела свершать лишь тем дано, в ком доблесть расцвела, а доблести нужны и труд, и знание, и усилья». Как подчёркивалось в приказе по военно-учебным заведениям, он призывал учителей «претворить дело обучения в дело воспитания, а воспитателям — постепенно поднимать в воспитанниках сознание их человеческого достоинства»⁶.

Не исключено, что под впечатлением смерти сына Константина Константиновича — князя Олега император Николай III в обращении к юнкерам Тифлисского военного училища в ноябре 1914 года не только озвучил принятые в такой обстановке слова о необходимости исполнить долг офицера русской армии в «тяжёлую и знаменательную годину, переживаемую Россией», но и проявил не всегда свойственное ему человеческое сочувствие и сострадание. Угадывалось в царской речи и ощущение личной вины за будущее молодых людей, многих из которых, что не трудно было представить, тоже ожидала трагическая судьба. «Будьте искренними товарищами между собой и офицерами всех родов оружия, — говорил он в прощальном напутствии юнкерам. — Не сомневаюсь в беззаветной личной вашей храбрости, но прошу вас не рисковать напрасно жизнью, так как она дорога мне и нужна России»⁷.

Порыв патриотических чувств увлёк некоторых кадет на фронт, и они стали участниками боевых действий. Некоторые из них получили боевые награды — солдатские Георгиевские кресты. Кадет из шестого класса Николаевского корпуса Сергей Марков с разрешения родителей и военного министра «вступил добровольцем в Крымский конный полк, в строю которого заслужил два Георгиевских креста, после чего был отправлен в военное училище»⁸, — можно прочитать в одном из современных изданий. В другом извещается, что из трёх выпусков (1916—1918) Одесского кадетского корпуса, насчитывавших 203 воспитанника, солдатскими Георгиевскими крестами были отмечены 9 человек⁹.

Во время каникул кадеты с разрешения начальства и родителей принимали участие в строительстве оборонительных сооружений, удостоившись за это похвальных отзывов из действующей армии.

Имели место случаи и несколько иного рода. Так, некоторые начальствующие отцы брали сыновей в дело, выводя их на позиции ради получения награды. Но в общем повсеместно проявлялось гуманное отношение военной власти к воспитанникам. Оно выражалось в беспокойстве за здоровье подростков и юношей, в стремлении уберечь их от ненужной

опасности, что нашло отражение в приказе военного министра по армии. Документ был издан в сентябре 1916 года в целях пресечения уже отмечавшейся порочной практики, когда иные кадеты посещали действующие войска, где служили их отцы, с корыстной целью. Именно после такого «геройства» появлялись ходатайства о представлении «побывавших на фронте» воспитанников кадетских корпусов к награждению Георгиевскими медалями.

В приказе министра такие поступки квалифицировались как преступления против семьи и государства, подчеркивалась моральная несостоятельность порождающих их мотивов. «Конечно, воспитанник приезжает на фронт армии с согласия своих родителей не для каких-либо авантур или походов, — напоминалось в нём, — а для свидания с отцом и для того, чтобы на месте великой борьбы народов набраться того патриотизма, которого он не найдёт в тылу и который так необходим молодёжи для успешного окончания своего заведения и затем скороспелой подготовки к офицерскому званию»¹⁰. Однако, отмечалось в документе, стыдно это делать ради тщеславия, получения наград. «Мы, военные, не имеем права в настоящее время распоряжаться так необдуманно своими сыновьями-детьми, — с отеческой ответственностью звучит в тексте военного приказа упрёк меркантильным родителям, — чтобы, пользуясь пребыванием их на фронте войск, поручать им исполнять то дело, к которому они не подготовлены и служить которому ещё не обязаны»¹¹.

Главной целью воспитания будущих офицеров с объявлением войны стало утверждение национального самосознания и национальной гордости, любви к Родине, уважения к её героическому прошлому. Делом чести для каждого кадета было участие в оказании помощи фронту, в заботах о страждущих. Пример им подавали старшие. Так, служащие 1-го Московского кадетского корпуса приняли решение брать на лечение в свои семьи раненых офицеров — бывших воспитанников своего учебного заведения.

Характерной особенностью организации процесса патриотического воспитания в кадетских корпусах в военное время было стремление педагогических коллективов вызвать у воспитанников прилив глубоких нравственных чувств (сострадания, милосердия, уважения к солдату), создать условия для совершения нравственного поступка, без которого немислим настоящий патриотизм.

На страницах «Педагогического сборника» регулярно находила отражение деятельность кадетских корпусов по сбору пожертвований на нужды фронта. Офицеры и преподаватели, подавая личный пример, отчисляли от 2 до 3 проц. своего содержания. Среди кадет, как свидетельствовал директор Полоцкого кадетского корпуса, «взамен покупаемых на свой счёт лакомств... проводился добровольный взнос в кружки». В других корпусах металлические кружки с замком и прорезью в крышке вывешивались в каждой роте. Например, воспитанники Хабаровского корпуса организовали сбор в пользу раненых сахара, выдававшегося им к чаю (в месяц это составляло 4—5 пудов). Организовывались выпечка хлеба и сушка сухарей. На занятиях по ручному труду кадеты изготавливали носилки для нужд местных госпиталей. В корпусных актовых залах устраивались спектакли, концерты, киносеансы, проводился сбор средств на содержание раненых нижних чинов, помещавшихся в открытых при некоторых корпусах лазаретах. Жёны служащих, добровольно выполняя обязанности сестёр милосердия, осуществляли уход за ранеными, шили на собранные пожертвования бельё, тёплую одежду. В заботе о раненых активное участие принимали и воспитанники.

По свидетельству директора 1-го Сибирского кадетского корпуса, «в целях патриотического воспитания, развития национального самосознания и народной гордости» применялись разнообразные формы урочной и внеурочной работы. К примеру, проводились патриотические

чтения по следующим темам: «Возникновение и внутренний смысл европейской войны», «События, непосредственно предшествующие объявлению войны», «Мировое положение России», «Начало второй Отечественной войны», «Взгляды на войну русских писателей», «Героизм русских людей», «Христианство и патриотизм», «Роль России в славянском вопросе».

Преподаватели общеобразовательных предметов понимали необходимость изменения их содержания с целью усиления патриотической направленности. Так, в предисловии к изданному в Нижегородском кадетском корпусе сборнику патриотических стихов русских поэтов разъяснялось: «Если изменились условия и обстоятельства, то должен измениться и характер изучения образцов родного языка. Теперь, как никогда, самый удобный момент дать учащимся, взамен указанных программой... такие литературные образцы, которые говорили бы уму и сердцу кадета о могуществе и славе его великой Родины — России»¹².

Для усиления патриотического воспитания военное ведомство принимало специальный комплекс мер. Это выразилось в присвоении 1-й роте Полоцкого кадетского корпуса имени погибшего князя Олега Константиновича, Одесскому кадетскому корпусу — имени великого князя Константина Константиновича, в учреждении именных стипендий. Правительство постановило иметь в кадетских корпусах 200 вакансий для содержания и воспитания малолетних детей, чьи отцы находились в действующей армии, а также открыть сверх штата 325 вакансий для сыновей погибших на фронте офицеров, чиновников, священников, врачей и нижних чинов. Распространялся циркуляр, предписывающий вывешивать в корпусах приказы о героической смерти бывших воспитанников, офицеров и преподавателей, о подвигах Георгиевских кавалеров. Учреждались нагрудные знаки кадетских корпусов в целях объединения и «установления наружной корпоративной связи их бывших питомцев».

Война, нарушившая налаженный порядок семейного и школьного воспитания, оказывала сильное морально-психологическое воздействие на ещё не окрепшие сознание и души детей. Обеспокоенное сохранением духовного здоровья подрастающего поколения, министерство народного просвещения выступило в печати с обращением ко всем педагогическим коллективам, советам средних учебных заведений, где ставилась задача сохранять спокойствие, энергию, создавать в учебных заведениях такую внутреннюю атмосферу, «чтобы ни на минуту не забывать, что... накопление духовных ценностей имеет сугубо большое значение и помогает с избытком возместить те материальные потери, которые приходится нести России»¹³.

Изменение условий воспитательной практики способствовало активизации и усилению целенаправленности педагогической науки в изучении соответствующих современных воззрений, явлений, процессов, в поиске новых подходов к воспитанию в обстоятельствах военного времени. Уже в первые месяцы войны, увлекаемый чувствами гражданского и профессионального долга, один из постоянных авторов журнала «Вестник воспитания» выступил в печати, в том числе и в журнале «Педагогический сборник», с письмом, призывающим родителей, воспитателей, народных учителей, преподавателей средней школы включиться в исследования последствий влияния событий войны на духовно-нравственное самочувствие детей. «Необходимо, — указывалось в письме, — объединёнными усилиями в педагогических и учительских организациях теперь же взвесить и учесть все влияния войны»¹⁴.

Но война, а затем последующие революционные события, вооружённые столкновения в гражданском противостоянии, интервенция в страну из-за рубежа не позволили «взвесить и учесть» накопленный ранее опыт и сопутствующие ему ошибки и упущения в мирной обстановке.

Вся Россия, можно сказать, была призвана под ружьё. Но уроки истории остались. Они требуют внимательного и всестороннего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Педагогический сборник. 1915. № 1. С. 31.
- 2 Орлята России: Из истории кадетских корпусов. М., 1998. С.48.
- 3 Педагогический сборник. 1915. № 7. С. 17.
- 4 Там же. С. 2.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 94.
- 7 Там же. № 1. С. 2.
- 8 Марков А. Кадеты и Юнкера: Русские кадеты и юнкера в мирное время и на войне. М.: Воениздат, 2001. С. 13.
- 9 Самович А.Л. Военная школа России в 1914—1920гг.: кадетские корпуса. М.: Спутник, 2002. С. 27.
- 10 Педагогический сборник. 1917. № 1. С. 6, 7.
- 11 Там же. С. 7.
- 12 Бахтин Н.К. К священной войне России 1914 г. // Педагогический сборник. 1915. № 2. С. 227.
- 13 Новый циркуляр гр. П.Н. Игнатъева // Педагогический сборник. 1915. № 10. С. 356.
- 14 Звягинцев Е.П. К родителям, воспитателям, учителям // Педагогический сборник. 1915. № 1. С. 109, 110.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич —

референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А.Йордана, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. Гурковский

ПАЛЕЦ НА КУРКЕ

Работник жилотдела то смотрел на мой мандат чекиста, то на меня и наконец назидательно произнёс:

— Товарищи! Кому, кому, а вам хорошо известно, что одесская буржуазия пока живёт в своих квартирах, спит на перинах и белый хлеб запивает шампанским. В квартирах буржуев и надо поселиться. Так неужели жилотдельцы вам, чекистам, станут искать адреса буржуазии? Отыщите подходящую квартиру, а к нам приходите за ордером на уплотнение или выселение.

Я почувствовал себя несколько виновным, но и просвещённым. Проинструктированный и вдохновленный подобным образом, направился в поиски буржуй, у которого можно было бы поселиться. На улице Дерибасовской, у знаменитого одесского пассажи мое внимание привлекла прекрасная витрина с надписью: «Бриллианты, золото, браслеты, кулоны», а над дверью — огромными буквами было написано: «ЛУРЬЕ». Решив, что хозяином великолепного магазина не мог быть бедняк, я установил адрес этого самого Лурье, которому, кстати говоря, принадлежали все ювелирные магазины Одессы.

Почти рядом, на углу Греческой улицы и Красного переулка, «главный одесский бриллианщик» проживал в великолепной квартире прекрасного дома. На мой звонок дверь открыл он сам, рекламный буржуй, точно снятый с плаката. Тонем виноватого он объяснил, что, поскольку кухарка ушла на рынок, а горничная отлучилась, он выполняет роль прислуги, встречая меня.

В гостиной томились его жена, под стать мужу крупная ожиревшая женщина, и сын, студент с большим мясистым, явно папашиным носом. Кем-то уже предупрежденное встревоженное семейство наперебой сообщало, что ими уже произведено самоуплотнение — одна из комнат уступлена актрисе оперного театра. Так что они «очень бы желали ограничиться принесённой жертвой».

Я вошел к их соседке и спросил её, как она смотрит на то, что я и трое моих товарищей поселятся в квартире? Молодая, миловидная актриса этому обрадовалась. Затем с горячностью сообщила, что семейство Лурье создает ей различные затруднения, а сын, так тот буквально её терзает ухаживаниями и домогательствами. От Тамары Дмитриевны, так её звали, я узнал, что этажом выше, в такой же восьмикомнатной квартире, живет дочь Лурье, семья которой, как и ее родителей, также состоит из трёх человек.

Оценив обстановку, я предложил торговцу к вечеру перебраться к своей дочери, а с наступлением сумерек с полевой сумкой, это всё, что у меня было, переехал на новую квартиру. Вскоре появились и мои товарищи: Володя Корш, отпрыск известной семьи Коршей, внешне стремившийся походить на Пушкина, но внутренне — военная косточка, до ЧК командовавший эскадроном; Коля Бороци, грек, одесский слесарь-водопроводчик, подпольщик, до последнего времени проживавший в темном подвале; Степан Струков, командированный в ЧК Москвой, в прошлом — связист, старый большевик.

Утром следующего дня в адресном бюро я проверил адреса помещиков Одесской губернии. С крайним удивлением узнал, что многие из них лишь недавно покинули свои квартиры. Акулов,

мой непосредственный начальник, старый большевик, большая умница и обаятельнейший человек, посоветовал не обескураживаться и впредь знать, что враг не только беспощаден, но и изворотлив, хитер и имеет свою разведку.

Вечером мы отмечали новоселье, на котором присутствовал вернувшийся в свой родной город Шура Литвинов. Позже, когда пришла домой после спектакля, нашей гостьей стала Тамара Дмитриевна. Володя под собственный аккомпанемент на пианино напевал песенки приятным баритоном, Струков лихо и почти профессионально плясал, а Бороци неподражаемо изображал одесские комические сценки.

Тамаре Дмитриевне по душе пришлись мои товарищи, и она непринужденно и весело проводила время. Когда Корш исполнял кавалерийские веселые частушки, она, сидя со мной на диване, заговорщическим тоном сказала: «Кое-кто к вам и вашим друзьям проявляет странный и непонятный интерес». Не ожидая моих вопросов, сообщила, что в день нашего въезда в квартиру один из актеров театра представил ей своего друга, который добивается того, чтобы ежедневно провожать ее домой и в это время стремится все выведать о нас, чекистах.

Я попросил Тамару Дмитриевну не отклонять ухаживание столь любопытного знакомца, а Литвинову предложил понаблюдать за тем и установить его адрес. На следующий день после вечеринки я с оперативной группой чекистов участвовал в ликвидации в одном из домов Торговой улицы белогвардейского сборища. Предупрежденные своими постовыми, белогвардейцы стали пробиваться со стрельбой через облаву и уходить. Я находился у парадного подъезда, когда из него стремительно выскочил хорошо одетый, с выправкой военного беляк и с ходу вскочил в невесть откуда взявшийся экипаж. Опасаясь поранить прохожих, я не стал стрелять вслед резвому рысаку с возницей и седоком, хорошо запомнив лишь лицо последнего. Да и что запоминать, если просто его узнал.

В начале 1919 года партизанский отряд Ананьевского уезда попал в клещи петлюровских карателей. Партизаны рассеялись, получив пристанище у крестьян, а через пару дней вновь в условленном пункте собрались. Командование отряда решило опровергнуть хвастливое заявление петлюровцев об уничтожении партизан, использовав их благодушное и победное настроение. И вот в слякотную, дождливую ночь на крестьянских подводах под видом крестьян, едущих на рынок, около сотни партизан проникли в Ананьев и притаились там. В точно назначенный час, разделённые на отдельные боевые группы, они напали на штаб, казармы, полицейское управление. Сонные петлюровцы, захваченные врасплох, сопротивления не оказали. Так почти без боя был ликвидирован тысячный гарнизон и захвачен город.

Произошёл типичный случай, о котором на Украине говорили так: «Ляжешь спать при одной власти, а просыпаешься при другой». Была лишь одна неудача — начальник гарнизона полковник Тихомирченко вместе с другими старшими офицерами выехал до нашего вторжения на совещание на ст.Бирзула и не разделил участи остальных петлюровцев. Но поскольку он должен был возвратиться на рассвете, не зная о происшедших изменениях, я, во главе небольшого отряда, выехав ему навстречу и в километрах десяти от города организовал засаду. Удалась она частично: Тихомирченко с небольшой частью сопровождающих все же посчастливилось унести ноги.

После этого я задержался в селе Гандрабуры, где устраивалась засада, для проведения митинга и не мог предположить, что власть в Ананьеве снова так быстро поменяется. Пospел только к концу неравной схватки, когда большие силы петлюровцев при огневой поддержке орудий и пулеметов выбивали партизан из города.

Мне пришлось скрываться сначала в здании конторы «Союзкредит», где сторожем был мой хороший знакомый Николай Найденов, а затем в семье Дрогичинских, тоже знавших меня.

У патриархообразного Дрогичинского, служащего земской управы было четверо взрослых сыновей. Младший Илья не только дружил со мной, но и выполнял мои опасные поручения. Другие же в столь тревожное время к жизни приспособились по-разному. Старший сын, Константин, юрист по образованию, последовательно служил всем властям. Средний, Яков, военный чиновник, какими-то судьбами оказался в Одессе у белых. Наконец, предпоследний, Евгений, подвизался у петлюровцев в должности начальника штаба. Его-то часть и ворвалась в Ананьев, пытаясь уничтожить партизан.

Семья Дрогичинских занимала небольшой флигель в обширном дворе, заросшем бурьяном. В середине ночи с пистолетом в руках, готовый ко всяким случайностям, крадучись, перебежками, а то и ползком я пробрался к избранному убежищу.

На легкий стук дверь открыл отец семьи. Он понимающе посмотрел на меня, сказал несколько обнадеживающих слов и отвел в угловую комнату. Здесь домочадцы и еще кто-то спали на кровати, сложенных стульях, на полу. Илюша предложил лечь рядом с ним на топчане. То, что выяснилось утром о жильцах комнаты, наводило на тяжелые размышления. Константин — большой, рыхлый человек, обросший рыжеватой щетиной, всем своим видом выражал подавленность и обреченность. Накануне, после уничтожения того петлюровского учреждения, где он работал юристом, он явился в штаб партизанского отряда и предложил свои услуги в качестве следователя. Теперь же его терзали всевозможные сомнения и тревоги.

Не по душе мне пришелся некий Виктор Петрович Левадный, по крайней мере, так он представился. Прибыл он, по его словам, из Одессы и остановился у Дрогичинских по рекомендации Якова, который, как уже упоминалось, служил у белых. Видать, и Левадный был того же поля ягода.

Но больше всего меня озадачило то, что в одной из комнат ночевал... петлюровец, то есть Евгений Дрогичинский. Правда, поскольку приютили меня старики, здесь, в доме, опасаться мне Евгения не приходилось. И все же угрозой с его стороны, как и остальных, кроме Ильюши и хозяев, не стоило пренебрегать.

В ближайшую ночь беспокойного Константина переправили, причем при содействии Евгения, в другое место, за пределы города. Так что мне довелось соседствовать с Левадным, по всей видимости, белогвардейским шпионом. Политические споры у нас без малого не доходили до применения оружия. Через несколько суток он исчез, посоветовав мне второй раз с ним не встречаться.

Здесь, в доме Дрогичинских, мне довелось пережить две облавы, причем Ильюша объяснил, что охотятся именно за мной. Первую облаву переждал в дворовом нужнике, вторую — в растущем вблизи камыше, погрузившись по пояс в студеное болото. Конечно, опасения оказались напрасными: дом, в котором жил начальник штаба, пользовался неприкосновенностью.

И все же обстановка диктовала необходимость немедленно оставить город, тем более что и партизанский отряд каждодневно давал о себе знать.

Примерно на восьмые сутки проживания у Дрогичинских я оставил их дом, а затем, преодолевая на каждом шагу опасность, выбрался и из ночного города. К чести Евгения, он снабдил меня,

своего врага и друга младшего брата (таковы парадоксы Гражданской войны!), пропуском и сведениями о том, на каких улицах менее всего вероятна встреча с патрулём. Через сутки меня встретили друзья-партизаны. Встреча была по-особому теплой и трогательной, так как я числился среди погибших.

Время шло, менялись события, новые и новые люди встречались на жизненном пути. Словом, о Левадном я забыл, пока не напомнил о нем случай, столкнувший нас снова, но уже в Одессе.

Вскоре после того как Левадный, а это был он, стремглав пронесся мимо меня в таинственном экипаже, когда чекисты разгромили контрреволюционное сборище, Акулов предложил мне сопровождать его к пресловутому Мишке Япончику, к тому ловкому вору и грабителю, который в период интервенции объединил вокруг себя вооруженный преступный мир, а с изгнанием интервентов и установлением советской власти даже образовал полк, якобы принявший сторону Советов. Его какое-то время приходилось терпеть.

Акулов же направлялся к Мишке Япончику в связи с тем что тот в отместку за арест чекистами нескольких грабителей из его окружения взял в заложники трех чекистов.

В приёмной Япончика нас заставили продолжительное время ждать. Двери в кабинет не закрывались, туда и обратно сновали озабоченные «штабисты» вора-командира, «обремененные» портфелями, полевыми сумками, свертками карт и т.п. Словом, нам пускали пыль в глаза, а на себя напускали важность.

Когда же нас «допустили к телу императора», Япончик, тоже притворствуя, что-то с важностью писал, даже не ответив на наше приветствие и не подняв головы. За его спиной возвышались верзила-телохранители, а справа и слева топтались «докладчики». Каково же было мое изумление, когда дверь в кабинет очередной раз открылась и в него мягкой поступью вошел не кто иной, как... Левадный. Он передал какие-то бумаги одному из «докладчиков», затем внимательно оглядел меня с ног до головы и, сделав вид, что не узнает, покинул кабинет.

Разговор с Япончиком происходил остро, в форме скандала. Все же припертый неоспоримыми фактами к стенке и больше не в состоянии опровергать доказательства того, что его сподвижники арестованы за откровенный разбой, он распорядился задержанных чекистов освободить.

Тем временем Шура Литвинов вечер за вечером незаметно следовал за навязчивым знакомым Татьяны Дмитриевны. Собранные сведения бесспорно установили, что мы имеем дело с беляком.

Однажды, когда наша соседка явилась домой, а Шура неотвязно продолжал следовать за своим подопечным, я, Корш и Бороци прогулочным шагом направились на улицу Новосельскую, к дому №66. Здесь мы и встретили Шуру. Он направился перекрывать черный ход, а мы вошли через парадный, направляясь в интересовавшую нас квартиру, принадлежавшую двум сестрам-вдовам — дряхлым старушкам, страстным любительницам кошек.

Их гость, племянник, при нашем появлении не растерялся. Охотно предъявив документы на имя учителя немецкого языка Виктора Александровича Гиндина, прибывшего из Елизаветграда на каникулы, повёл себя учтиво и спокойно до той поры, пока Корш, производя обыск, не извлек из спинки дивана маузер, а из комнатных тапок — миниатюрный браунинг. Еще более обеспокоился Гиндин, когда я стал внимательно просматривать единственную книгу, найденную в квартире — русско-немецкий словарь. Перелистывая лист за листом, я в углу предпоследней страницы

обнаружил уже знакомый мне знак извлечения из корня с рядом двухзначных цифр: « $\sqrt[2]{73 - 74 - 65 - 59 - 83 - 93 - 47}$ ».

Вынув всегда лежавший в моем кармане список коммунистов с таким знаком, я показал его Гиндину и спросил, не находит ли он, что в данном случае имеется поразительное совпадение, которое лишает его возможности запереться и скрывать смысл этих знаков? Гиндин признал, что подкоренные двузначные цифры представляют из себя шифр — число означает страницу словаря, а левая его цифра — на каком месте находится искомое число, если считать сверху вниз. Таким образом, оказались зашированными следующие слова: «спешка», «ликвидация», «нельзя», «группа», «оставлять», «известно», «следы». Гиндин объяснил, что они раскрывают содержание директивы, предписывающей спешно завершить все дела и следовать на Дон к Деникину.

У нас же были все основания полагать, что Гиндину отдавался приказ спешно, не оставляя следов, ликвидировать нашу чекистскую группу, нападавшую на след контрреволюционной организации.

Ночь промелькнула в обыске и допросе Гиндина, а день протянулся в засаде. Сохраняя, насколько было возможно, обычную жизнь старух, мы в одной из комнат ждали кого-либо из сообщников Гиндина. В условиях кошачьего смрада день проходил тоскливо, медленно. Нетерпеливый Корш засаду называл никчемной, постоянно предлагая то выскочить на свежий воздух, то переместиться в столовую. Между тем квартиру навестили молочница, прислуга и прачка с бельем.

К вечеру, когда некого уже было ждать по домашним делам, раздался протяжный звонок. Дверь открыл Корш. Когда я выглянул в переднюю, то лицом к лицу столкнулся с Левадным. Как ни в чем не бывало, он поздоровался со мной, как с давнишним знакомым, и, оглядев остальных, поинтересовался, почему у его школьного товарища столько гостей. Сам же он, по его словам, зашел к Гиндину как к товарищу по гимназии, совершенно ничего не зная о его антисоветских делах. Ну а в Одессе, точнее в полку Мишки Япончика, он, командированный военкоматом, находится в роли военрука. Моей встречи с ним при ликвидации белогвардейского сборища никак, утверждал он, не могло быть, так как в это время он лежал в госпитале. Словом, я, по его показаниям, обознался, и в таинственном экипаже был кто-то иной. Левадный при этом охотно согласился на обыск его квартиры, чтобы, как выразился он, «развеять всякие сомнения».

Отправив Гиндина в ЧК, мы всей четверкой поехали к Левадному.

На улице Штиглица, в небольшой трехкомнатной квартире, принадлежавшей чиновнику коммерческого банка, Левадный снимал комнату. Меблирована она была более чем скромно. Осмотрев ее, я почувствовал себя весьма неудобно. По всему видно было, что обыск ничего не даст. Не случайно же сам Левадный на него напросился.

В просмотренных ящиках письменного стола чего-либо заслуживающего внимания не оказалось. Правда, в среднем ящике лежал французский ключ, но кого он мог интересовать? Разве только Колю Бороци, как бывшего слесаря.

Перекладывая с руки на руку ключ, Бороци сказал:

— Давненько инструмент в руках не держал. К работе потянуло, сказывается привычка.

Затем он стал рассматривать нарезку ключа и как бы невзначай спросил Левадного:

— Что, работаете ключом?

— Нет, — ответил тот. — Не знаю, как его и в руках держать.

— А следы говорят, что вы работаете ключиком, — настаивал Бороци.

При этих словах он более пристально, чем до этого, окинул взглядом комнату. Осмотрел даже батарею водяного отопления. Затем принялся исследовать трубопроводный стояк, вполголоса рассуждая:

— Муфты для чего? Вроде ни к чему, если по-слесарному судить. По нашим правилам, из цельной трубы стояк делается, а не из кусков. А здесь почему-то сборный. Именно так — сборный! Следы, опять же, на муфтах... Кто-то, быть может, что-то отвинчивал. Посмотрим, посмотрим, в чем дело. — Глянул в нашу сторону, словно спрашивая разрешения, и заключил, как бы, извиняясь: — Руки работы просят...

Бороци проворно работал ключом, а Левадный все больше терял спокойствие и что-то невнятно говорил. Сдвинутые вправо и влево муфты освободили отрезок трубы, отверстие которой оказалось заполненным «бумажной канцелярией». Здесь хранились списки фамилий, бухгалтерские ведомости, а еще советские, деникинские и царские деньги.

— Интересное, очень интересное отопление! — ухмыльнулся довольный Бороци, принимаясь за остальные трубы, а потом и за батарею.

Одна из труб была сплошь забита золотыми монетами царской чеканки. Неожиданные разнообразные трофеи оказались столь многочисленными, что заняли весь стол.

Перед лицом таких улик и доказательств Левадному пришлось рассказать о своей работе по вербовке офицеров для белой армии. Завербованных он снабжал явками, валютой и отправлял к Деникину.

Спустя некоторое время после столь удачной операции в кабинет Акулова, где присутствовал и я, появился мой друг Костя Кобылянский. Попросив извинения за беспокойство, он сказал, что пришел ко мне с сообщением, которое не может не заинтересовать ЧК.

Вот что он нам рассказал.

После госпитального лечения Костю направили в распоряжение штаба округа. Узнав, что я работаю в ЧК, он пару дней тому назад наведлся ко мне, но не застал меня. На выходе неожиданно столкнулся с только что арестованным Левадным, которого знал не только как подозрительную, но и опасную личность. Убедился в том, когда до ранения служил в полку, созданному из Тираспольского партизанского отряда.

Отрядом, а затем полком командовал бывший штабс-капитан Владимир Попов, Костя же у него значился помощником. В момент Григорьевского мятежа Попов неоднократно выступал против политики советской власти и проявлял подозрительную активность. В такой момент и появился в полку Левадный, с которым Попов часто и подолгу уединялся. То и дело они вызывали к себе командиров и вели с ними конфиденциальные разговоры. Кобылянского же сторонились, по всей видимости, не доверяя ему.

Вскоре и Попов поднял мятеж, решив увести полк в район, где заявил о себе Григорьев. Тогда-то и выяснилось, что Левадный — посланец контрреволюционного центра, в частности бывшего гетманского министра Рогозы.

Попов и Левадный просчитались, так как далеко не все в полку поддержали их, тем более что основная масса тираспольцев не желала покидать родные места. Воспользовавшись этим, Кобылянский с единомышленниками арестовали, а затем и ликвидировали мятежников вместе с Поповым. Однако Левадный сумел скрыться. Полк возвратился в Тирасполь, а раненный в перепалке с поповцами Костя оказался в одесском госпитале.

После столь ценного сообщения Левадного немедленно доставили к Акулову на очную ставку с Кобылянским. Белогвардейский лазутчик долго не запирался, указав адрес Рогозы. Царский генерал, он же гетманский министр и крупнейший помещик Украины, нашёл приют у подданного Греции, проживавшего на Маразлиевской улице. Корш, Бороци и Струков тотчас же отправились за ним, меня же вызвал к себе председатель губчека.

Тогда-то и бежал снова Левадный. Когда его вели с допроса, при выходе из подъезда, расположенного возле прохода на Екатерининскую площадь, он, изловчившись, засыпал табачным порошком глаза конвоиру, затем, раньше, чем часовой, стоявший у входа, сумел что-либо сообразить, сбил его с ног и выбежал на площадь. Здесь беглец растворился в многолюдной толпе.

Дерзкий побег Левадного не помешал аресту Рогозы, которого доставили в ЧК.

После этого меня направили в знакомые места — в Ананьевский уезд для участия в ликвидации бесчинствовавшей там банды Трача, с которым, увы, мне довелось партизанить.

Иван Трач был выходцем из небольшого села Черновской волости. Унтер-офицер кавалерии, он всю империалистическую войну провел на фронте против турок. Демобилизовался и прибыл домой тогда, когда на Украине хозяйничали немцы. Дома застал беду. Его отец за участие в разгроме помещичьего имения всенародно подвергся порке шомполами, личное хозяйство Трачей изнывало под тяжестью поборов и налогов. Вот почему вчерашний фронтовик, долго не раздумывая, возглавил борьбу революционно настроенных односельчан против немецких оккупантов и гайдамаков. Когда же на смену гетману пришли новые угнетатели — петлюровцы, он, чтобы продолжить борьбу, влился со своими людьми в партизанский отряд. Там я с ним и сблизился.

Отличался Трач решительностью, отвагой, душевной искренностью, но в то же время большой легковёрностью и способностью попадать под дурное влияние. Я пользовался у него доверием, и он не раз обращался ко мне со своими сомнениями и колебаниями.

Прибыв на место, я намеренно остановился в Черново, рассчитывая, что Трач, узнав о моем приезде, попытается здесь встретиться со мной.

После тряской и пыльной дороги, изнуряющей жары да бессонных одесских ночей я крепко уснул, а поэтому не сразу сообразил, кто меня тормошит, называя комиссаром.

Да это был он, бывший соратник-партизан Трач. Рядом с ним у моей кровати возвышались еще трое вооружённых, как и их командир, хлопцев.

Без всякого опасения я встал и пригласил всех за стол. Когда уселись, предложил Трачу поделиться всем, что у него накопело на душе. Он, по-видимому, этого только и ожидал.

То в полную силу простуженного голоса, то почти шепотом, то гневно, то жалостливо и просительно, с трепетом и волнением он изливал сомнения и боли своей середняцкой доли. Долго говорил Иван о том, что привело его в ряды советских врагов, останавливаясь на мелочах и деталях, в которых тонуло главное, но которые для него были все очень важными.

Между тем в хате стало светло, в окна заглянуло солнце, а я все слушал длинную исповедь, которая закончилась глухим рыданием запутавшегося человека.

Просвета в жизни и выхода из тупиковой ситуации для себя и своих парней Трач не видел.

— Ваня, — обратился я к нему, — успокойся да и послушай свою историю в коротких словах из моих уст. В полк к тебе и твоим однополчанам все чаще стали поступать сведения о беспорядках дома: мол, обижают коммунисты крестьянина-середняка. И хлеб под метелку забрали, и гужевая повинность да поборы замучили. Мало того, что нет ни ситца, ни обуви, на беду надвигается еще новая угроза — всех в коммуну загонят, жены станут общими и спать придется всем под одним одеялом. Ты все принимаешь на веру и гадаешь, за что же мы боролись, где правда? Тебе, конечно, невдомек, что письма, слухи — дело вражеских рук. И как им не верить, когда и батьку твоего заставили хлебушком поделиться, самогон варил — самогонный аппарат отобрали, да еще в темную посадили в назидание другим.

Вот и не выдержала твоя мятежная душа. Сгоряча покинув полк, махнул ты с хлопцами до дому. Приходишь в сельраду, а там, вроде бы и свои, тебе даже сочувствуют, но творят черт знает что, на центр ссылаясь. Твоей же горячей голове невдомек, что сельрадовцев кулаки споили и их руками делают все, чтобы оклеветать советскую политику и вызвать недовольство народа. Твои затуманенные глаза не заметили, что подкулачники разорили отца, кулаки же подсунули самогонный аппарат, а потом сельсоветчиков натравили на него. И били всем этим не только по батьке да по тебе, по тебе подобным, но и по советской власти. У тебя горе, беда. Ты мучаешься и не знаешь, как поступить, где искать правду. Тебе же преподносят чарку за чаркой и на ухо шепчут: «Довоевался? Коммунисты и не до того доведут крестьянство, и с тебя последние штаны снимут, если будешь молчать». В голову кровь ударила. День за днем ты пьешь и оглянуться некогда, чтобы посмотреть, что вокруг тебя роется, обхаживают тебя все те, с кем ты вчера воевал. Не заметил, как сам стал думать и поступать по-вражески. Разве не верно я говорю? Не так ли, Иван?

— В том-то и беда, что так, — взволнованно ответил Трач. — Сгоряча да спьяну пошел против своих. Когда же протрезвел, вижу кругом кулаки, попы и другая вражья сила. И в отряд норовят попасть не наши, не бедняки, а петлюровцы. Деваться же некуда. Подумаешь, так душа горит. А тут еще такой случай. Получаю записку. Да вот она, — Трач передал мне измятый листик. — Позвали меня на встречу какие-то «друзья». Прихожу на паровой млын, а там ждет меня явный беляк. Предложил мне помощь руководством, оружием, деньгами. Спрашиваю: кто же такие эти друзья? А он нагло отвечает — да все те, кто с тобой против Советов да коммунистов. Хотел я ему дать как следует и послать подальше, но не посмел. В самом деле, кто есть я сам? Ответил: «Подумаю». Но не думать стал, а самогоном заливать свою душу. Только не легчает, кошки сердце и душу скребут. Бывший же хозяин мельницы меня утешает и, как своему, говорит: «Ты не волнуйся и не сумлевайся, этому господину вполне можешь довериться. Он не просто офицер, а помещик. В революцию все потерял, и дорога у него одна». Меня что обухом по голове. Вот какие

мои друзья! Ясно. Не туда иду, а выхода нет. Явиться в ЧК? Ясное дело — расстреляют, а умирать не хотелось бы.

Краткая, написанная каллиграфически записка, имела одну особенность — в конце ее стоял до боли знакомый знак « $\sqrt[p]{P^2}$ ».

Я достал список коммунистов полка, обе записки положил перед Трачом и спросил:

— Узнаешь? Под этим знаком убили Ивана Даровенко. Под ним в Одессе орудует помещицья организация. С этим знаком арканят и прибирают к рукам тебя. Неужели не понятно, куда, к кому ты пришёл и что надо делать?

Ошеломлённый, Трач обмяк, поник головой. Не лучше выглядели и его хлопцы.

— Выход есть, — продолжал я. — Прекратите борьбу против советской власти. Сложите оружие, покайтесь перед народом и борьбой против наших общих врагов искупите свою вину.

Трач со мной согласился и обязался к концу дня явиться со своими хлопцами. Слово сдержал, я же час говорил с народом о международном и внутреннем положении. После этого на сельском сходе Иван Трач и его хлопцы повинились, пообещав искупить вину перед теми, кого обидели, и советской властью. На следующий день я привёл их, обезоруженных и раскаявшихся, в Одесский губвоенкомат, где они получили направления во фронтовые части.

Иван Трач попал в полк, которым командовал его закадычный друг и земляк Иван Клочко. В одном из ожесточённых боев с белогвардейцами Клочко и Трач с группой бойцов очутились в окружении белых. Во время ожесточенного боя жизнь Клочко оборвала пуля. Раненый Трач с горсткой бесстрашных героев прорвал окружение и с мертвым телом любимого командира пробился к своим. После этого он заболел сыпным тифом и во время отступления, в пути, не приходя в сознание, умер. Похоронили его за Уманью, у дороги, по которой следовал полк.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 1, 3.

(Продолжение следует)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ОНИ СЛУЖИЛИ РОССИИ

Привычное, но уже практически вытесненное из обихода русское слово «совет» в качестве названия властного органа не является неологизмом советской эпохи. Так, в старой России, как, впрочем, и в России новой, более ста лет функционировал Государственный совет. Учреждённый в 1801 году, он являлся высшим законосовещательным органом, в котором рассматривались внесённые правительством законопроекты до их утверждения царём, сметы и штаты государственных учреждений, а также административные и судебные дела, выходящие за пределы компетенции соответствующих государственных структур. Председатель и члены Госсовета более ста лет назначались лично царём, но с 1906 года Госсовет стал носить полупредставительный характер, и круг его полномочий расширился — здесь стали обсуждаться также законопроекты, рассмотренные Государственной думой перед их представлением на утверждение первому лицу государства. Состоял этот правительственный орган из четырёх департаментов канцелярии, во главе которой стоял государственный секретарь.

Полагаю, что преамбула поможет читателю по достоинству оценить плод 6-летнего труда двух известных специалистов по отечественной истории XVIII—XX вв. Д.Н.Шилова и Ю.А.Кузьмина, создавших уникальный справочник*, в котором можно найти сведения о всех членах Госсовета, принимавших участие в его работе в период с 30 марта 1801 до 17 апреля 1906 года — дня его последнего дореформенного заседания. При этом подробные «досье» представлены на 325 человек, всего же упоминаются 485 персоналий, среди которых фигурируют как весьма известные лица, например генерал-фельдмаршал А.И.Барятинский, адмирал Г.И.Бутаков, генерал-фельдмаршал М.И.Кутузов, генерал от инфантерии М.А.Милорадович, великий князь Николай Николаевич старший, так и люди, чьи имена с годами затерялись в скрижалях истории — действительный тайный советник М.Н.Галкин-Враский, генерал от кавалерии Н.И.Шебеко и др.

Благодаря хорошей композиции и продуманной подаче материала авторам удалось спрессовать в небольшие по объёму блоки огромное количество информации, почерпнутой из архивных и историографических источников, причём в основу легли документы Российского государственного исторического архива (РГИА).

Каждая статья начинается с фамилии, имени и отчества лица, дат и места его рождения и смерти, затем приводятся сведения о происхождении, вероисповедании, образовании и владении собственностью, ближайших родственниках, продвижении по службе и заслуженных при этом наградах и почётных званиях. Таким образом, пользователь справочником получает исчерпывающую информацию о том, кто был кто в верхнем эшелоне государственной власти Российской Империи.

Однако, что касается характера и результатов деятельности того или иного лица в качестве члена Госсовета, то авторы об этом практически не говорят, ограничиваясь в лучшем случае перечислением комиссий и совещаний, в которых состоял либо участвовал член Госсовета, и названий законопроектов или иных документов, рассмотренных с его участием. Чаще же всего лишь указываются дата назначения в Государственный совет, размер денежного содержания и годы, когда он «назначался к присутствию». Конечно, и авторов и издателей можно понять, почему опущена столь важная информация, тем не менее возникает впечатление о некоторой незавершенности биографий.

В качестве приложений к тексту приводятся общий хронологический список членов Государственного совета за означенный период, генеалогические данные и другие сведения, разъясняющие порядок пользования справочником. Кстати, сюда можно было бы включить и информацию о структуре Госсовета, местах расположения его центральных и региональных

отделов, о его роли в государственном управлении и круге решаемых задач, что с интересом было бы принято читателями.

Но это, как говорится, частности, в целом же труд Д.Н.Шилова и Ю.А.Кузьмина заслуживает признательности. Отметим, что издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и отлично оформлено полиграфически: прекрасный переплёт, хорошая бумага, чёткий, легко читаемый шрифт, что, к сожалению, нечасто встретишь в малотиражных изданиях.

Учитывая, что подавляющее большинство членов Госсовета принадлежали к высшему генералитету Российской империи, справочник, несомненно, заинтересует отечественных, а, возможно, и зарубежных историков, специализирующихся на военной тематике. Заказы на книгу можно присылать по адресу: 199034, Санкт-Петербург, набережная Макарова, 4, Дмитрий Буланин.

* Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской Империи. 1801—1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 992 с.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич —

главный редактор журнала «Клио», полковник запаса, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ ОПОЛЧЕНИИ

Политические изменения в России в конце XIX века открыли путь для более глубокого изучения отечественной истории, позволили непредвзято, на строго научной основе дать объективную оценку происшедшего. Научное осмысление исторических событий вызывает неподдельный исследовательский интерес, заставляет по-новому взглянуть на ряд проблем, которые до последнего времени рассматривались историками только с определённых идеологических позиций. Это в полной мере относится и формированию в губерниях в период Отечественной войны 1812 года земского ополчения.

Выход в свет книги* кандидата исторических наук И.Ю. Лапиной позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, изученную тему. В основу работы, написанной хорошим литературным языком, положены архивные документы и воспоминания участников событий. Некоторые авторские оценки рассматриваемых проблем и личностей не всегда совпадают с общепринятыми.

История войны 1812 года считалась хорошо изученной. Не отрицая ценности всех исследований и мемуаров, автор учитывал тот факт, что все писались в разное время и несли на себе неизбежную печать политической конъюнктуры. В силу разных идеологических причин в тот или иной период делался упор на создание определённой мифологии войны 1812 года, что мешало объективному, научному подходу к изучению проблемы. Так, на определённом историческом этапе

превозносился вклад в победу одних сословий и замалчивалась, а нередко и подвергалась резкой критике лепта других. Это было свойственно как дворянской, буржуазной, так и советской историографии. Большой пласт имён героев войны 1812 года оказался незаслуженно забыт, их героические свершения на военном поприще преданы забвению, поскольку долгое время на щит поднимались кумиры, вышедшие на Сенатскую площадь в декабре 1825 года добиваться реформ, а верные царю и присяге низвергались с пьедесталов. В результате этого при анализе тех или иных событий были смещены акценты, сделаны неправильные выводы и допущено откровенное передергивание фактов.

Время показало, что исторический опыт ведения борьбы с нашествием наполеоновских войск на Россию до конца не осмыслен. Этому мешают однобокость в подходах к разработке темы, сложившийся в исторической науке консерватизм взглядов и нежелание замечать новые факты, которые возникают при детальном изучении архивных документов, еще не востребованных исследователями. Всё это создает почву для спекуляций, откровенного исторического хулиганства, в том числе и при изучении темы ополчения. Во многих работах советского периода, например, показана лишь неудержимая инициатива народных масс, в основном крепостных крестьян, что создаёт превратное представление о войне, умаляет подвиг других сословий.

Книга И.Ю. Лапиной заставляет взглянуть на ополчение, как на военную организацию, которая создавалась в помощь армии. Монография состоит из восьми глав. В каждой из них в рамках темы раскрывается та или иная проблема. Автор уделяет большое внимание исследованию таких принципов, как добровольность и народность при формировании земского ополчения Санкт-Петербургской губернии. Анализ документов и фактов дает основание сделать вывод о том, что ополчение было строго регламентированной военной организацией, куда крепостные крестьяне, мещане и ремесленники сдавались помещиками и городскими сообществами в основном принудительно. Основанием для сдачи в ополчение мещанина или ремесленника служили разные провинности перед обществом: неплатёж податей, мелкие преступления, неуживчивый характер и т.д. По «усердию», т.е. добровольно, в Санкт-Петербургское земское ополчение вступили 129 российских и 70 немецких ремесленников, а также 27 мещан. Это одна четвёртая часть 1-й дружины ополчения, которая была сформирована из сословия ремесленников и мещан Санкт-Петербурга и уездных городов губернии.

Для большинства дворян, чтобы вступить в ополчение, была необходима рекомендация дворянского собрания или резолюция на заявлении первых лиц государства: российского императора Александра I, главнокомандующего М.И. Кутузова, управляющего Военным ведомством А.И. Горчакова или руководителей департаментов правительства. Многие дворяне по разным причинам не получили офицерских должностей и служили в ополчении урядниками или вольноопределяющимися. Немаловажен и такой факт: все штаб- и обер-офицеры в ополчении жалованья не получали. Они служили «из усердия к отечеству», а дружинные начальники «по важности звания и особой доверенности государя императора».

Значительная часть книги посвящена участию Санкт-Петербургского ополчения в сражениях на территории России и во время Заграничных походов 1813—1814 гг., где его ратники продемонстрировали мужество и бесстрашие.

Труд И.Ю. Лапиной является актуальным, профессионально выполненным и завершённым исследованием, который с научных позиций открывает новые страницы Отечественной войны 1812 года.

* Лапина И.Ю. Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 году. СПб.: Нестор, 2006. 252 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ВАХРОМЕЕВА Наталья Игоревна —

специальный корреспондент «Военно-исторического журнала» (Москва)

Вооружение и форма одежды русской армии

Вышла в свет первая часть многотомного труда* «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», переиздаваемого Ассоциацией «Военная книга» и издательством «Кучково поле». Книга была составлена по повелению Николая I, включая в себя описания народной одежды, вооружения и одежды войск, а также знамён, артиллерии и знаков отличия с 862 по 1700год.

Начало работы над этим фундаментальным трудом относится к 1830 году, когда Николай I повелел генерал-лейтенанту П.А.Клейнмихелю организовать описание обмундирования и вооружения русских войск с древнейших времён до современной эпохи. К 1835 году было создано сброшюрованное в две части «Описание одежды и вооружения российских войск». Продолжение работы было возложено на преподавателя математики 1-го Кадетского корпуса штабс-капитана А.В.Висковатова. С 1840 года отдельными тетрадями с иллюстрациями части «Исторического описания...» стали выходить регулярно.

В 1899 году под эгидой Технического комитета Главного интендантского управления было предпринято переиздание труда в удешевлённом варианте. Однако она прервалось с выходом в свет 19-й части в 1902 году. 20-я часть «Исторического описания...» увидела свет только через сорок два года после предшествующей. С 1944 года издание было возобновлено и закончено в полном объёме тридцати четырёх частей.

Текст книги воспроизводится по предыдущему изданию и даётся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. В текстах документов, надписей на знамёнах и вооружении сохраняются орфография и пунктуация подлинника.

До конца 2008 года планируется издать многотомный труд полностью — в 4-х частях.

По вопросам приобретения книги обращаться в издательство «Кучково поле» по тел.: (495) 671-19-38.

* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. М.: Кучково поле, 2008. 168 с., 176 л., ил.

ВАХРОМЕЕВА Наталья Игоревна —

специальный корреспондент «Военно-исторического журнала» (Москва)

КАВАЛЕРЫ ордена Георгия Победоносца РУССКОГО СЕВЕРА

Настоящее справочное издание* представляет собой публикацию именных списков награждённых орденом и знаком отличия Св.Георгия, а также золотым оружием с надписью: «За храбрость», медалями на Георгиевской ленте и на комбинированных лентах: Андреевско-Георгиевской, Александровско-Георгиевской и Георгиевско-Владимирской в 1769—1901гг. Его особенностью является региональная направленность, поскольку все лица, фигурирующие в нём, были тесно связаны с Русским Севером — они либо родились, либо служили здесь.

Именные списки публикуются в алфавитном порядке с указанием фамилий, имен, отчеств, титулов, чинов, должностей, а также (применительно к кавалерам ордена Св.Георгия) названий частей, в составе которых совершены подвиги, дат награждений и описаний подвигов. Приводятся и краткие биографические сведения о награжденных, что, несомненно, представит особый интерес для местных историков и краеведов.

В именные списки включен 471 награждённый. Из них 5 — особы императорского двора, 4 — морские министры. Почти половина награждённых — воинские чины адмиральского и генеральского уровня, а также 128 офицеров и 46 нижних чинов. Среди награжденных значатся духовные и гражданские лица — священнослужители, крестьяне, мещане, писатели и художники. Группа высокопоставленных региональных чиновников в списках представлена 15губернаторами и вице-губернаторами.

В списках указано около 300кавалеров ордена Св.Георгия, пожалованных этой наградой всех классов — от 1-го до 4-го, более 40 нижних чинов, удостоенных знаков отличия ордена Св.Георгия, 4 духовных лица, получивших золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Здесь представлена и особая группа награждений — золотое оружие с надписью: «За храбрость». Им были удостоены 60офицеров, указанных в именных списках.

Упомянутые знаки и медали на Георгиевской и комбинированных лентах позволяют представить географию батальев, в которых принимали участие жители Русского Севера. Наиболее многочисленные группы награждённых образуют участники Русско-турецкой войны 1828—1829гг. — 60человек и Крымской (Восточной) 1853—1856гг. — 52человека. В именных списках фигурируют и такие весьма малочисленные награды, как золотые кресты за взятие Очакова 6декабря 1788года, «За победу при Прёйсиш-Эйлау» и «За взятие приступом Базарджика».

Иллюстрации в справочнике представлены в виде портретной галереи более 60 георгиевских кавалеров, перечисленных в списках.

Источниками для составления именных списков послужили около 150 собраний документов, хранящихся в фондах Государственного архива Архангельской области. В справочник включены публикуемые впервые 25 архивных документов, в том числе 19формулярных списков.

Список использованной литературы включает более 160публикаций и печатных изданий, 38 сетевых ресурсов.

В качестве приложений в справочнике помещены иллюстрации военного ордена Св.великомученика и победоносца Георгия, войн XVIII—XIXвв., наградные медали для офицеров и нижних чинов за боевые заслуги на Георгиевской, Андреевско-Георгиевской, Александровско-Георгиевской и Георгиевско-Владимирской лентах.

Справочник предназначен для всех, кто интересуется военной историей Русского Севера, её участниками и творцами.

* Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия. Русский Север. 1769—1901 / Сост. В.В.Брызгалов, Е.Ф.Колтовой, О.И.Корнеева. Архангельск: Лодия, 2007. 248 с., ил.

ДОБЫЧИНА Елена Викторовна —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (г. Химки, Московская обл.).

ИСТОРИЯ ПОЛКОВ — ЗАЛОГ НРАВСТВЕННОЙ СИЛЫ ВОЙСК

До 1917 года большинство полков русской армии издали свои полковые истории. Однако они давно по разным причинам стали раритетами. Так, многие из них либо исчезли в огне революций и войн, либо были вывезены за границу в качестве дорогих реликвий. В годы советской власти подавляющее большинство сохранившихся изданий уничтожили как источник «тлетворного влияния» царского режима на людей новой, социалистической формации. Те же фолианты и рукописные очерки, которые до сих пор хранятся в публичных библиотеках, музеях, частных коллекциях, доступны в основном лишь специалистам, а не широкому кругу читателей.

Изданием фундаментального труда* П.О.Бобровского ассоциация «Военная книга» и издательство «Кучково поле» открыли серию публикаций полковых историй, вышедших в свет в XIX — начале XXвека. Автор представляемой книги Павел Осипович Бобровский — видный государственный деятель, талантливый военный писатель, незаурядный юрист и педагог, имя которого сегодня незаслуженно забыто. Его «История лейб-гвардии Преображенского полка» была издана в 1900—1904гг. в двух томах (4книги). К первому и второму томам текста имелись приложения (2тома). В настоящем издании эти приложения, а также марш и гимн Преображенского полка воспроизводятся в электронном виде на диске, прилагаемом к книге.

Труд П.О.Бобровского состоит из предисловия, первой книги — «Преображенский выборный солдатский полк» (1696—1699), второй книги — «Лейб-гвардии Преображенский полк» (1700—1725), в которые вошли 16глав, заключение, написанное сотрудниками Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва А.Б.Григорьевым и О.А.Хазиним, примечания (89страниц) и именной указатель.

Уникальность труда выражается в том, что история полка рассматривается в связи с прошлым нашего Отечества, его геополитической, дипломатической, социальной и хозяйственной деятельностью. Автор представил целый пласт интереснейших исторических сведений, например о борьбе за власть между молодым Петром и царевной Софьей, создании «Потешного войска»,

об учреждении постоянных войск и т.д. Читатель прочтёт о событиях, связанных с Северной войной 1700—1721гг. и основанием Санкт-Петербурга.

Произведение П.О.Бобровского легко читается, прекрасно издано и, без сомнения, станет настоящим подарком не только для знатоков летописи полков российских, но и для читателей, просто интересующихся военной историей нашей страны.

По вопросам приобретения книги обращаться в издательство «Кучково поле» по тел.: (495) 671-19-38.

* Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. М.: Кучково поле, 2007. 624 с., ил.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ИЗ РОДА ГОЛЕНИЩЕВЫХ

12 июня 1773 года* в семье отставного поручика лейб-гвардии Преображенского полка родился Павел Васильевич Голенищев-Кутузов. До 16 лет он состоял при дворе пажом, 7 марта 1794 года получил первый офицерский чин поручика лейб-гвардии, а уже через 4 года стал полковником. После небольшого перерыва в службе Павел Васильевич в 27-летнем возрасте получил звание генерал-майора и через полгода был назначен командиром Кавалергардского полка. В ходе Русско-турецкой войны 1806—1812гг. получил тяжёлое ранение под Измаилом, после излечения состоял в свите его императорского величества и был произведён в генерал-адъютанты.

В начале Отечественной войны 1812 года состоял при штабе 1-й Западной армии, 13 июля участвовал в бою при Островна, снова был ранен, покинул армию, затем занимался формированием казачьих полков из ямщиков, а позже присоединился со своим отрядом к корпусу генерала от кавалерии П.Х.Витгенштейна, участвовал в преследовании французской армии и в сражениях при Лютцене, Бауцене, Дрездене, Кульме. Уже в чине генерал-лейтенанта участвовал в битве под Лейпцигом и взятии Парижа, был отправлен в Санкт-Петербург с известием о взятии столицы Франции.

В 1816—1817гг. П.В.Голенищев-Кутузов сопровождал Александра и великого князя Николая Павловича в поездках по России и за границу, в 1823—1826гг. возглавлял петербургские военно-учебные заведения, в декабре 1825 года был назначен петербургским военным губернатором, а 22 августа 1826 года получил звание генерала от кавалерии. В феврале по прошению уволен с

губернаторской должности, в 1832 году направлен для осмотра Московского, Тамбовского и ряда других кадетских корпусов.

В 1825—1842 гг. состоял членом Государственного совета. Был награжден рядом медалей и орденов, в том числе Святого Александра Невского, Анны 1-й степени, Святого Владимира 1-й степени, Святого Андрея Первозванного, в 1832 году получил графский титул. Умер 1 ноября 1843 года, похоронен в Тверской губернии в с. Печетово.

* По новому стилю — 23 июня. Далее все даты приводятся по старому стилю.

ТАРАНЕНКО Александр Фёдорович — краевед, подполковник в отставке (станция Роговская, Краснодарский край)

«БЫЛ ВЫЗВАН ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ НА ЛИЧНУЮ БЕСЕДУ»

Имя генерал-лейтенанта авиации Героя Советского Союза Владимира Илларионовича Шевченко, родившегося 25 июня 1908 года в посёлке Панфилово Новоаннинского района Волгоградской области, а не на хуторе Красная Заря, как ошибочно указывается в ряде изданий, в довоенные и военные годы было весьма известно в армейских кругах. Причём совершенно заслуженно. Будучи ещё старшим лейтенантом, он командиром отряда бомбардировщиков СБ участвовал в гражданской войне в Испании, совершив сто боевых вылетов на бомбардировку важных объектов в тылу противника. Звезду Героя Советского Союза №69 получил 14 марта 1938 года с «засекреченной» формулировкой: «За образцовое выполнение специальных заданий Правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за проявленный в этом деле героизм».

Если об испанском периоде службы В.И. Шевченко в общем-то знали многие, то чехословацкий оказался откровением даже для его ближайших родственников. А между тем туда его посылали учить чехословацких лётчиков летать на самолётах СБ, поставка которых осуществлялась из СССР по соглашению от 1937 года. Командировка, со слов самого Владимира Илларионовича, началась с того, что он «был вызван товарищем Сталиным на личную беседу с ним». После этого В.И. Шевченко в качестве председателя комиссии уехал в Чехословакию «для выполнения правительственного задания». Кстати, по возвращении ему в качестве награды выдали легковую машину М-1.

Со Сталиным В.И. Шевченко встречался и позже: на похоронах Героя Советского Союза А.К. Серова, погибшего вместе с Героем Советского Союза П.Д. Осипенко 11 мая 1939 года, и 14 сентября 1939 года, когда он был у него на приёме вместе с начальником ВВС РККА А.Д. Локтионовым и другими специалистами Военно-воздушных сил. На той беседе обсуждались вопросы предстоящей командировки в Германию.

До июня 1941 года В.И. Шевченко кроме Испании воевал на Халхин-Голе, командуя 100-й смешанной бомбардировочной авиабригадой; участвовал в качестве командира 10-й скоростной бомбардировочной авиабригады в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

Великую Отечественную войну генерал-майор, позже генерал-лейтенант авиации В.И. Шевченко встретил в Тарнополе (ныне Тернополь, Украина) командиром 16-й смешанной авиадивизии, затем командовал 216-й истребительной авиационной дивизией, 1-м смешанным авиакорпусом, 182-й штурмовой авиадивизией, с которой он и окончил войну в Восточной Пруссии.

В марте 1946-го Владимир Илларионович он получил инвалидность и был уволен в запас, в 1948-м угодил в ГУЛАГ, откуда вышел только в мае 1953-го. Однако официальную реабилитацию пришлось ждать ещё 16 лет: лишь тогда ему вернули и звания, и ордена.

Впрочем это уже не принесло облегчения ветерану: он умер в Волгограде января (по другим данным — 7-го) 1972 года. Похороны состоялись 11 января, и этот день многие издания указывают датой смерти. Кстати, Панфиловской средней школе ещё в 1980-х годах присвоено имя Героя Советского Союза В.И. Шевченко.

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПЕЧУРОВ

Приказом министра обороны Российской Федерации по результатам проведения конкурса лучших материалов, опубликованных в журналах Министерства обороны РФ и газете «Красная звезда», вторая поощрительная премия за 2007 год присуждена автору «Военно-исторического журнала» доктора военных наук, профессору, члену Союза журналистов России, генерал-майору Печурову Сергею Леонидовичу за статьи «Суэцкий кризис 1956 года: истоки, сущность, уроки» (№6) и «Корейские уроки для военной коалиции» (№9).

С.Л. Печуров родился 25 марта 1951 года. В 1975 году окончил Военный институт иностранных языков (восточный факультет). Он выпускник спецкурсов СА и ВМФ СССР, курсов руководящего состава ГУ ГШ ВС РФ, курсов инспекторов по контролю международных договоров в области сокращения вооружений. В 2002 году окончил факультет переподготовки и повышения квалификации ВАГШ ВС РФ.

Проходил службу в ТуркВО, странах Ближнего Востока. С начала 1980-х годов служит в центральном аппарате Министерства обороны. Стаж научной деятельности — с конца 1980-х годов. Занимал должности от младшего научного сотрудника-адъюнкта до заместителя одного из основных научных учреждений ГШ ВС РФ.

Имеет сертификаты «Интегральное и финансовое планирование в демократических условиях рыночной экономики» (Крэнфилдский университет и Шрифинхэмский военно-технический колледж — Великобритания) и «Управление оборонными ресурсами» (курсы при Министерстве национальной обороны Канады).

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: ВАХРОМЕЕВА Наталья Игоревна —

специальный корреспондент «Военно-исторического журнала» (Москва)

Июнь в ВОЕННОЙ истории

1 июня 1918 года, 90 лет назад, начал издаваться еженедельный военно-научный журнал «Военное дело» (с марта 1920 г. выходил под названием «Военно-научный журнал РККА», с 1936 г. — «Военная мысль»).

6 июня 1944 года началась Нормандская десантная операция — открытие второго фронта. Проводилась войсками США и Великобританией с целью форсирования Ла-Манша, захвата стратегического плацдарма в Нормандии и наступления к западной границе Германии. Полное господство союзников на море и в воздухе позволило им провести операцию с минимальными потерями. Операция закончилась 24 июля.

13 июня 1992 года был открыт вертолётный музей в г. Торжок.

15 июня 1914 года родился Ю.В. Андропов, государственный деятель, генерал армии (1976 г.), Герой Социалистического Труда (1974 г.). В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении в Карелии. С 1954 года — посол СССР в Венгрии. С 1957-го — заведующий отделом ЦК КПСС. С 1967 года — председатель КГБ. С мая 1982-го — секретарь ЦК КПСС, а с ноября 1982-го — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета обороны СССР. Умер 9 февраля 1984 года.

16 июня 1943 года на вооружение авиации принята первая отечественная бортовая РЛС «Гнейс-2». К концу 1944 года ею были оснащены более 230 самолётов.

16 июня 1963 года на космическом корабле «Восток-6» стартовала в космос первая женщина Земли — гражданка СССР, младший лейтенант В.В. Терешкова.

17 июня 1903 года родился М.А. Светлов (Шейнкман), поэт, лауреат Ленинской премии. Участник Гражданской войны. В годы Великой Отечественной войны — специальный корреспондент газеты «Красная звезда» и ряда других фронтовых изданий. Тема героического подвига советского народа получила освещение в его произведениях «Двадцать восемь», цикле стихов о Лизе Чайкиной, стихотворениях «Гренада», «Каховка», «В разведке» и др. Умер 28 сентября 1964 года.

21 июня 1958 года первый полёт совершил опытный самолёт «105» (главный конструктор Д. Марков). Серийное производство нового бомбардировщика Ту-22 началось в 1960 году в Казани.

Впервые самолёт показан на воздушном параде в Тушино в 1961 году, а в следующем году принят на вооружение.

22 июня — День памяти и скорби (установлен Указом Президента РФ №857 от 8 июня 1996 г.). Начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

22 июня 1818 года на Кавказе основана русская крепость Грозная (с 1870г. — г.Грозный).

23 июня 1927 года первое применение в СССР парашюта. Лётчик-испытатель М.М.Громов впервые в стране спасся с помощью парашюта, оставив самолёт И-1 в ходе испытательного полёта.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы.

27 июня 1905 года произошло восстание моряков на броненосце «Потёмкин».

30 июня 1941 года образован чрезвычайный высший государственный орган СССР — Государственный Комитет Обороны, обладавший всей полнотой власти. Председатель И.В. Сталин.